

ЗАДОНСКИЙ ПЯЛОЧНИК

№ 53 2006 г.

По благословению епископа Липецкого и Елецкого Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦЕГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

В НОМЕРЕ:

В ОЖИДАНИИ ЧУДА!
Проповедь епископа
Липецкого и Елецкого
Никона

**НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ
ТИХОНА ЗАДОНСКОГО**
«О совести»

ИЗ РОДА БЕХТЕЕВЫХ

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ
Из воспоминаний
о схииеромандрите
Виталии

ХРИСТИАНАМ

О ХРИСТИАНСТВЕ
Из бесед с кавказским
пустынником: «О современном
монашестве»

**НЕ ВЕРЯ В ИСКРЕННОСТЬ
НАРОДНЫХ ЧУВСТВ**

**АРХИЕРЕИ
ПРАВДОЛЮБИВЫЙ
И НЕСТЯЖАТЕЛЬНЫЙ**

**ЗНАМЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ
ВОЗРОЖДАЕТСЯ**
«За веру страдания
претерпевшие»

С КРЕСТОМ И ЕВАНГЕЛИЕМ
Из воспоминаний о старце
схимонахе Антонии

**ЖИВАЯ ВОДА
ПРОМЫСЛА БОЖИЕГО**
«Господь вчера и днесь
Той же и во веки»

**КРЕСТНЫЙ ХОД
К СВЯТИТЕЛЮ ТИХОНУ**
ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ
и другое...

В ожидании чуда

Сегодня мы вспоминаем великое чудо милосердия Христова — Господь исцелил расслабленного, бывшего парализованным 38 лет!

В Иерусалиме у Овчей купели, которая называлась так потому, что в ней омывали животных, приготовленных для принесения в жертву Богу, где лежало множество больных, слепых, хромых, иссохших, раз в год Ангел сходил в купель и возмущал воду. И кто первый после этого сходил в купель, исцелялся от любой болезни. Когда Господь наш Иисус Христос три с половиной года странствовал по земле и благовествовал о спасении, пришел Он и к этой купели и увидела много лежащих больных. Господь приблизился к одному из них, 38 лет лежавшему здесь и ждавшему движения воды, и спросил его: «Хочешь ли быть здоров?» Тот ответил: «Да, Господи, но не имею человека, который опустил бы меня в купель, и в тот момент, когда возмутится вода. Когда же я захожу в нее, другой уже сходит прежде меня». Тогда Иисус сказал ему: «Встань, возьми одр твой и ходи». Тот почувствовал силу в руках и ногах, взяв постель, на которой лежал, и пошел. Но это происходило в субботу, а суббота у евреев — день покоя. Тотчас книжники и фарисеи сказали исцеленному: «Сегодня суббота — не должно тебе брать постель!» Но он возразил им: «Кто меня исцелил, Тот мне сказал: «Возьми постель твою и ходи». Его спросили: «А кто тебя исцелил?» Он ответил: «Я не знаю». А потом, когда встретился с Христом в храме, Тот подошел к нему и произнес: «Се, адрав

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

*Задонский Раздвество-Богородицкий мужской монастырь.
Неделя 4-я по Пасхе,
о расслабленном.
14 мая 2006 г.*

еси: кому не согрешай, да не горше ти что будет» (Ин. 5, 14), — тем самым дал понять, что все бо-

лезни посылаются за грехи. Тогда тот человек пошел к книжникам и фарисеям и объявил, что его исцелил Иисус, думая, что те начнут прославлять Христа...

Это чудо, совершенное Господом, мы почему-то вспоминаем крайне редко. Знаем и помним много других чудес — воскресение Господом мертвых, шествие Благодатного огня... — а это остается как бы в стороне. Хотя оно непосредственно касается и нашей жизни. Часто бывает, что мы говорим: «Нет у

меня человека, который бы помолился обо мне или привел бы в храм Божий, привел к причащению, к покаянию». Древний философ Диоген, который жил в бочке на берегу моря, каждый день ходил с занесенным фонарем и на вопросы прохожих, что он делает, отвечал: «Я ищу человека». Действительно, найти человека сейчас очень трудно.

И вот этот расслабленный все лежал и ждал. Ждал 38 лет!.. И мы сейчас явдем — кто бы нас разбудил, кто бы привел нас к Богу, кто бы о нас помолвлся, чтобы у нас была благополучная жизнь как в семье, так и в обществе.

Да, мы знаем: были старцы, подвижники, которые молились за весь мир. Здесь, в Задонске, почитают мощи святителя Тихона Задонского и местничтиных Задонских старцев, в Воронеж — мощи святителя Митрофана, в Троицково — мощи преподобного Илариона Троицуровского, в Ельце — Меланию Затворницу...

В современном мире мы часто ищем прозорливых, подвижников, старцев, чтобы они помогли нам, помолвлись за нас. Но сами не хотим молиться. А ведь сейчас есть у нас возможность — нам не запрещают произносить имя Божие, не запрещают исповедовать православную веру, во многих местах мы видим поклонные кресты, часовни, храмы, обители. Зачем они возстанавляются? Для нас. Чтобы мы, услышав колокольный звон, который созывает: «К нам! К нам! К нам! Идем к нам!» — пришли в храм. И вместе, единым сердцем и едиными устами, в мольбе зывали к Богу, проси: «Господи, помилуй Русь православную!» Но кто-то все ждет человека... И если бы

сейчас Господь пришел и исцелил расслабленного, который 38 лет лежал парализованным, мы бы не поверили, сказали бы: «Сейчас все бывает...»

Мы не верим, а в храме, через церковные Таинства, происходит исцеления. Вот пример. Парализовала старушку, дочь позвала священника, он поборовавал ее, причастил — и она прожила еще пять лет. Разве это не чудо? В церковной практике бывает много подобных случаев... А то что люди, бывшие комсомольцами, партийными, теперь надели крест, пришли в храм — разве это не чудо? То, что сейчас храмы восстанавливаются, золотятся купола? Такое же чудо, которое произошло при Овечьей купели.

Вы спросите: где же она сейчас, эта купель? Когда я был в Иерусалиме, мы видели ее, умывались в ней, гнали из нее воду... А у нас она где? Каждый раз, когда в храме мы совершаем малое или великое освящение воды, на нее сходит благодать Божия ничуть не меньше той, что была при Овечьей купели. Только там раз в год Ангел возмущая воду и люди исцелялись, а мы в любое время имеем возможность принимать эту воду и исцеляться — только нужно иметь немножко веры. Милосердный Господь еще терпит нас, подает нам возможность и самим приобрести какните христианские добродетели — пригвоздить себя к Вечности, и других привести к вере, подготовить ко встрече с Господом...

А встреча эта может произойти в любой момент. Я вижу: многие приехали на чин покаяния. И вчера спрашивали, будет ли проводиться этот чин.

Не нужно нам ждать какого-то особого чина покаяния. В лю-

бом храме, на любом месте кайтесь, просите прощения у Господа. Просите не только за себя, но и за своих близких, детей и внуков, которые сейчас живут страшной жизнью. В настоящее время повсеместно в России сокращается рождаемость, увеличивается смертность;

люди очень быстро стареют. Как сказано в Священном Писании у пророка царя Давида: «*Личие человека — семьдесят лет, а при большей крепости — восемьдесят лет*» (ср. Пс. 89, 10). Сегодня же — от силы 50-60 лет. А если взять, например, наркоманов. Им говорят: «При таком образе жизни вам отмерено 30 лет!» «Ну и что, — недоумевают они. — Зато сейчас полный кайф!» Они не дорожат своей жизнью, хотя сегодня пребывать в этом «кайфе». Но куда они пойдут? Это страшное место. Есан здесь, на земле, когда к нам приходит боль, скорби, мы думаем: «Да когда же кончится такая жизнь?! Скорее бы наступила хоть какой-нибудь просвет!» — то что же сказать об аде? Там будет вечная мука, и она никогда не кончится...

А ведь наши дети и внуки не хотят опомниться. Над словом «покаяние» они смеются, издеваются, да еще и хоят Бога. Мы исповедуем Христа — а они хоят Господа, Церковь, духовенство...

Сегодня, как вы заметили, было совершено рукоположение во диакона и священника. В этом —

опять же одно из чудес: за три года в нашей епархии было рукоположено более ста пятидесяти человек. И это при том, что у нас нет своей семинарии, и только малая часть из рукоположенных священнослужителей закончили Воронежскую духовную семинарию или еще учатся в ней.

Многие удивляются: «Где вы берете ставленников?» Они все наши, апостолы — и это ли не чудо? Мы не кричим: «Идите к нам — мы будем вас рукополагать!» Есть определенные канонические правила, по которым одного человека можно рукоположить, а другого — нельзя. Но, вероятно, Господь, видя, как

много в нашей епархии пустующих храмов, сохранил, удержал этих людей.

Раньше священнослужителями были сильные и молящиеся, и поведением, и нравственностью, и жизненным опытом. Да еще посмотрите: люди маститые, вид благочестивый, благообразный, бороды громадные — вот это батюшка!.. Но жизнь изменилась. Сейчас в храм приходит все больше молодых и людей среднего возраста. И иерей Алексий, рукоположенный сегодня, тоже молодой. Он теперь стал отцом, пастырем. Господь вручает ему паству для того, чтобы он вел ее к Богу. И потом с него спросит: «Соблагу ли ты данное Мною тебе стадо?» Что он скажет, если волки-хищники расхитят, разорвут, уведут некоторых овец? Поэтому и ему нужно зорко смотреть за своим словесным стадом, чтобы оно не заблудилось, не перешло в другие конфессии и секты, чтобы оно всегда было в храме, участвовало в Таинствах церковных, и нам нужно помогать пастырем. Молитесь за них.

Святитель Тихон Задонский Краткие нравоучительные слова

слово шестнадцатое

О совести

Бог, создавая человека, насадил в душе его совесть, чтобы ею, как правилом, человек руководствовался и наставлялся, кто творить и от чего уклоняться. Совесть есть не что иное, как естественный или природный закон, поэтому она схожа и с написанным Законом Божиим. Ибо, чему учит Закон Божий, тому учит и совесть.

Закон Божий велит единого Бога знать, этому учит и совесть. Потому даже язычники, убежденные совестью, единого Бога признавали.

Закон Божий повелевает Бога более всех созданий почитать и Ему одному высочайшую честь воздавать, то же повелевает и совесть.

Закон Божий учит никого равным Богу не иметь, тому же учит и совесть.

Закон Божий повелевает Богу как Верховному Властелину оказывать покорность, повиновение и послушание, тому же учит и совесть.

Закон Божий повелевает Бога как Судью праведнейшего бороться — слышим это и от совести.

Закон Божий велит худшей имени Божиего казнить — не терпит хулы и совесть наша.

Закон Божий учит Бога слушать более, чем любую земную власть, — тому же учит и совесть, ибо все земные

власти и сами Богу подвластны и подчинены.

Закон Божий велит Бога любить более всего, — велит и совесть, потому что Бог — высочайшее и верховнейшее добро и источник всякого добра. Поэтому и любить Его должно более всякого созданного добра.

Закон Божий учит за все Бога благодарить — учит и совесть, ибо быть благодарным благодетелю сама совесть убеждает.

Закон Божий повелевает всю надежду полагать на Бога — повелевает и совесть. Ибо один только Бог все может как Всемогущий, всякое же создание без Бога и вне Бога немощно, поэтому и надежда на него испостыжна и не тверда.

Закон Божий повелевает родителям и всем властям от Бога посланным повиноваться и воздавать честь — слышим это и в совести.

Закон Божий запрещает вредить человеку и жизнь у него отнимать — запрещает и совесть.

Закон Божий повелевает в случае нужды помогать человеку, повелевает это и совесть.

Закон Божий запрещает предобедствовать и блудодействовать — слышит это человек и в совести, и она внутри человека вопиет, чтобы не осквернял себя нечистотой.

Закон Божий запрещает касаться чужого добра без воли хозяина — то же требует и совесть.

Закон Божий повелевает давать просящему — слышит это человек и от совести своей.

Закон Божий запрещает лгать, лгать, обманывать — запрещает и совесть.

Закон Божий запрещает на ближнего клеветать — запрещает и совесть.

Закон Божий повелевает ничего чужого не желать — повелевает и совесть.

Так Закон Божий и совесть между собой схожи и ведут к одной цели, то есть к нашему блаженству. Поэтому даже язычники, просветленные философским учением, написав много полезных установлений, которые происходили не от чего иного, как от совести или естественного закона, многими трудом и обучением просветленного. Поэтому всякий, кто грешит против совести, грешит и против Закона Божия и самого Законодателя — Бога. Кто не слушает совести, тот не слушает и Закона Божия и Самого Бога. Не повинуется совести — не повинуется и Закону Божью и Самому Богу. Раздражает совесть — раздражает и Самого Бога. И такие христиане, которые против совести грешат, истинно Бога не почитают, но являются лицемерами. Ибо Бога без чистой совести почитать невозможно. Истинный христианин против совести

согрешить и так Закон Божий нарушить не хочет и опасается, и лучше согласится страдать, чем согрешить. В такой совести вера почитает и делает человека радостным. Ибо, где чистая совесть, там вера и радость.

Как Закон Божий облачает человека за грех, так облачает и совесть. Поэтому бывает, что когда слово обязательное говорится вообще, тогда грешники, совестью задеты, смущаются. Так смущаются блудники, когда о блуде говорится; смущаются воры и похитители, когда о воровстве и хищении говорится; смущаются лгуны и лжецы, когда о лжи и лжи говорится, и прочее. О том, что таковые смущаются, можно видеть по

ним внешним признакам. Так действует в них облачение совести. Как Закон Божий устрашает грешника судом Божиим, так устрашает и совесть, и она внутри грешника вопиет: человек, худо тебе будет!

Подобно тому, как ныне действия Закона Божия и совести схожи, так схожими будут и на суде Христовом. Там облачит грешника Закон Божий, и он нарушенный, облачит его и совесть, раздраженная его грехами. Так совесть и Закон Божий против каждого грешника будут там как бы двумя свидетелями и обвинителями. Бывает, что злая совесть будто спит, но когда пробудится, и начнет облачать грешника, тогда злоте ему мучение последует от совести. От этого бывает, что многие, не выдержав муки

совести, сами себя умерщвляют. Ибо как нет лучшего покаяния, чем от чистой совести, так и нет большего беспокойства и мучения, чем от злой совести. Если же adesso так мучает совесть, то как же она будет мучить грешника в будущем веке, где все его грехи будут ему представлять и за них его облачать и мучить?!
Грешники! Что мы спим? Проснемся и покаемся, и очистим покаянием и сокрушением сердца грехи наши, и исправим себя, и перестанем грешить и совесть нашу раздражать, чтобы не со злой совестью, грехами замаранной, на суде Христовом явиться, где книги совести откроются и получат каждый по делам своим. Аминь.

Имя Божие со всяким почитанием, страхом и благоговением поминай, и то там и тогда, где и когда надобно помянуть, понеже имя Божие свято и страшно есть, и поминающие Его с непочтением тяжко грешат. Отдавая убо всякое почитание имени Божю, как самому Богу, Царя земного имя с почитанием поминаешь, как и должно: колынь паче Бога, Царя Небесного имя, Ангелом и душам святым благоговейно, любезно и сладко, с высоким почитанием помянуть должно. Правильно поминается имя Божие в молитве, в славословии, в благодарении, в хвалении, песне духовных, и в беседах и разговорах, христианам приличных, то есть, когда разговор бывает о святом Божием слове, о законе и Евангелии, о пришествии Христовом в мир, о житии Его на земли, страдании и смерти Его, на раздолье покаяния, о смерти, о суде Христовом, о вечной муке и вечном живоме... В прочих разговорах без крайней нужды не поминай, и ежели нужда будет помянуть, со всяким опасением и достолажным почитанием поминай.

Святитель Тихон Задонский

Имя Божие

Многим привычало есть во всяких разговорах о подлых вещах и ко всякому почти слову приговаривать: «ей Богу!», или «на то Бог!», или «на то Христос!», или «свидетель Бог!», или «вшит Бог!» и прочее. Страшно и с глубоким смирением от самих Ангел почитаемое имя «Бог», при воспоминании Которого трепетать и главу с сердцем преклонять должно! Но безстрашное сердце того не рассуждает и языком злым, как подлой (что и говорить страшно) вещи, касается... Так сатана ослепляет бедного человека! Но что страшнее и горше, многие в шутках, многие для прельщения и обмана ближнего поминают великое и страшное имя Божие.

Паки примечаем, что христиане имя царю почитают, и при воспоминании его покров с головы снимают, или голову приклонют,

как и должно: но святое и страшное имя Божие того не удостоверяется от многих христиан. Иные в неправде и лжи тоже поминают; иные в ложной присяге присягают мое и, učinившие присягу и тую великим именем Божиим утвердившие, тотчас на дела, противные присяге, устремляются. Другие в непогрешных и подлых делах и словах безпрестанно вносят мое, повторяя обыкновенные себе слова: «ей Богу, на то Бог, свидетель Бог!» — и проч. Суть такие, которые в шутках и кощунстве держат принимать имя Его, Ангелам святым и душам сладкое, демоном страшное и всей твари честное. Тако христиане таковые, отъемля имени Божю достойное почитание, и Самому Богу, в имени Своем святом почитаемому, не воздают того.

Инокня Елена (в миру – Екатерина Алексеевна Бехтеева) родилась в 1756 году в г. Задонске Воронежской губернии и происходила из богатой и знатной фамилии, славной своей дружбой со святителем Тихоном, чудотворцем Задонским.

Но, как известно, при всем своем уважении к пребывавшему на покое в Задонске владыке, глава семейства – генерал-майор Алексей Дмитриевич Бехтеев вовсе не мечтал видеть своих детей во иночестве. С большим трудом святителю Тихону удалось уговорить сурового отца не перечить желанию сына Никандра искать спасения в стенах монастырских.

А потому, видимо, когда это же желание возникло и у сестры Никандра – Екатерины, святителя, и без того весьма осторожно благословлявший на монашество, такое решение еще одного чада из рода Бехтеевых не одобрил. Иначе трудно объяснить, почему матушка Елена никогда не упоминала о своем несомненном личном прижизненном знакомстве со свт. Тихоном Задонским.

В итоге Екатерина по примеру брата своего – Никандра Бехтеева, ученика святителя Тихона и схимонаха Митрофана, на 18-м году жизни тайно ушла в Воронеж и там в 1777 году поступила в Покровский женский монастырь.

Опечаленные потерю дочери, родители стали ее разыскивать и, наконец, после долгих поисков отец узнал, что она находится в монастыре. Отправившись в Воронеж, отец ее обратился в обитель, настоячно требуя выдачи дочери. Она же, узнав о прибытии отца, со слезами начала умолять настоятеля и начальницу свою, дабы та на время скрыла ее. Сочувствуя мольбам Екатерины и видя в ней чадо, истинно посвятившее себя служению Господу и готовое ради Него нести свой тяжкий крест со всеми его горестями и страданиями, дабы увенчать себя вечною, безсмертною славою, настоятельница спрятала беглянку в сенник. Сама же вышла на беседу к разгневанному генерал-майору. Смиренно собеседовав с Алексеем Дмитриевичем, мать-настоятельница в конце концов убедила отца простить свою дочь и примириться с избранным

Из рода Бехтеевых

Воспоминания об инокине Елене,
почивающей в гробе святителя Тихона Задонского
в Киевском Флоровском женском монастыре

ею жребием. «С этого времени, – как сообщает биограф инокини Елены, – он стал оказывать даже пособие ей, высылая ежегодно на пропитание по 50 четвертей зернового хлеба».

ставшей обладательницей гроба, некогда приготовленного святителем Тихоном для собственного его погребения.

Этот гроб, обитый простым черным сукном, стоял в келии святителя, напоминая о краткости земного бытия, и свт. Тихон ежедневно над ним «в ночной тишине проливал немало слез и имел обновление отдыхать в нем после дневных трудов и подвигов, и просил окружающих, чтобы его в этом гробе и похоронили». На замечание иноков, что ему, святителю, непристойно в таком простом гробе быть похороненным, он всегда на одном настаивал, говоря, что если вы меня в сем гробе не похороните, я пред престолом Христа Спасителя буду судиться с вами. Когда же святитель заболел, то, предчувствуя свое скорое переселение

Портрет инокини Елены
(Бехтеевой)

Умогины подлинницы Елены

Но, как известно, не для всех прост и прям путь ко спасению. Особенно многие искушения ожидают тех, кто вступает на него самостоятельно и следует стезею узкою без должного духовного руководства. Так случилось и с Екатериной Бехтеевой.

Ведя себя с самого своего поступления в монастырь смиренно и кротко, она вскоре уже «была уважаема многими». Ее начали посещать для бесед о следовании «тропинки жизни, полной тревог и волнений». И тут смирение стало отходить от безропотной некогда послушницы, поначалу снискавшей даже особое благословение –

в лучшую жизнь для вечного служения Господу, просил братию оставшиеся после кончины его вещи продать и вырученные деньги раздать немущим. И 13 (26) августа 1783 года святитель с миром преставился. «Надея на него простое облачение, братья положили его в приготовленный им гроб, на что многие негодовали, говоря, что непристойно святителю покониться в таком убогом виде, а должно облачить его во все архiereйское облачение. Когда же его убили во все святительское облачение, то гроб оказался тесен. Тогда сейчас же

был сделан другой гроб, и святитель был торжественно похоронен в новом гробе».

Спустя сораз дней после кончины святителя Тихона братия стали продавать его вещи ради милостыни бедным и раздавать по завещанному имуществу почившего подвижника. И так старый его гроб, по неуспешным стараниям и воле Господней, достался инокине Елене, прибывшей в Задонск, чтобы разделить скорби о почившем владыке, благоволившем к ее семье.

С этим посмертным благословением Задонского чудотворца Екатерина Бехтеева вернулась в монастырь, где ей предстояло пребывать еще 23 года, последние из которых прошли в борьбе и искушениях. В житии инокини Елены (Бехтеевой), составленном после кончины ее со слов верной подруги и соотаняницы Евгении (в миру Елизаветы), говорится, что причиной тому стали самолюбие и зависть человеческие, которые «нередко доходят до крайних пределов». Якобы «игуменья Воронежского монастыря возмела ненависть к инокине Елене за то, что люди прежде поощали не ее, игуменью, а ее подчиненную».

Но как сообщает П. В. Никольский в своем труде «Монашество на Дону», достоверность данных которого не подвергалась сомнению, послушница Екатерина отказывалась принимать постриг: жила в отдельном доме «близ оград», знавшая прислугу из мирян, не прислушивалась к неоднократным увещаниям настоятельницы. И тогда, учитывая, что у послушницы Бехтеевой, по происхождению ее, имелась весьма высокая покровительница, игуменья Покровского монастыря вынуждена была обратиться к епархиальному руководству. Справедливость изложенного в прошении игуменни подтвердила и воспитанница Екатерины Бехтеевой — сирота из знатной, но бедной фамилии».

Рассмотрев поданную на его имя жалобу, владыка Мефодий (Смирнов) согласился с требованиями руководства обители, предьявляемыми к строитиной послушнице, и велел в 1797 году выслать прислужниц Бехтеевой. «Неприлично монастырю, — писал в указе преосвященный, — чтобы жить с

таким святою, и притом надобно самим трудиться». Но и вмешательство правящего архиерея не смирило Бехтееву. В итоге дело дошло до Святейшего Синода, где и решено было в пользу епархиального и монастырского начальства. 17 мая 1806 года Св. Синод предписал выслать Бехтееву «как нетерпимую в монастыре для жительства к родственникам».

Как сказано в жизнеописании, записанном со слов инокини Евгении, Екатерина знала, что «е рано или поздно удалит из монастыря, чрез что она заболела и была уже при смерти, когда ее вели под руки для выслушания резолюции о немедленном удалении из монастыря... из уст самого архиерея [епископ Арепей II (Москвитин)] Тяжелая была это мнужна. Архирей, смотря на ее болезненный вид и исхудалое страдальческое лицо, сам прослезился и не решался было объявить, что она должна удалиться из монастыря. Но, наконец, пересилив себя, он объявил ей резолюцию».

За Екатериной последовала в изгнание и весьма сблизившаяся с ней за годы испытаний инокиня Евгения. Как сообщается в житии, «Евгения, не желая расстаться с Еленой, которой с самого поступления на подвиг иноческой жизни был уготован тернистый путь страданий и тяжелых испытаний, и исполнения свято и ненарушимо обещание вечной взаимной дружбы, с сокрушенным сердцем также удалится вместе с нею из монастыря».

Не зная, что предпринять, они решили отправиться на родину Екатерины, в имение Бехтеевых. Но и там они не встретили никакой отрады и утешения. «Суета и заботы еще более терзали их, растревляя прежнюю еще не зажившую рану. Их влекло обратно в монастырь».

Немало было пролито слез, не раз Екатерина обращалась к небесам с покаянной молитвой. И вот в очередной раз, «сильно заскучая», она обратилась с молитвою ко Христу и угодику Его свт. Тихону Задонскому, восклицая: «С кем я теперь остаюсь, когда у меня отняли все!» Долго так проплакала, она, изнемогая, заснула крепким сном, и ей во сне явился святитель

Тихон и сказал: «Ты жалея, что у тебя отнято все. Знай, что я тебе за твою потерю вознагражу утешением, которого не ожидаешь».

Ободренная столь явным обещанием Вышнего покровительства, она призвала свою верную подругу и, «следа призыванию, которое их и теперь не покидало, а влекло туда, где тишина заменяет суету житейскую», Екатерину и Евгения отправились в Киев, надеясь поступить вторично в монастырь. По прибытии в Киев они жили в отдаленности от города убогий уголок и ежедневно, для облегчения своей удрученной души, посещали святую Лаврскую обитель, изливая все горе свое в теплых и горячих молитвах пред иконой Христа Спасителя, призывая покровительство себе Богородицы и святых киевских чудотворцев.

Здесь они нашли себе и земного покровителя в лице иеромонаха Лавры Антония (Смирничко), впоследствии Воронежского епископа. Он, узнав об их злоключении и сочувствуя им, много назидал их во смиренни, поддерживал и ободрял своими беседами и советами. Но излечение от душевного смутения попомением почившего наставника воронежские нагнаницы неустойно искали удовлетворения главного их заветного пламенного желания — бежать от житейских смутений и жить для Господа. И вот, наконец, «пропущенные законом», они вновь обрели право на поступление в монастырь».

В это время некая старца из Флоровского женского монастыря, происходившая из дворянской фамилии Онуциных, отправилась в один из Московских женских монастырей для принятия сана игуменни. Образованные этому случаю, воронежские изгнаницы немедленно отправились к старце, умоляя ее уступить им свою келью, на что она и согласилась, продав ее им за условленную сумму. Будучи таким образом приняты в не имевший обшестити Флоровский монастырь, Екатерина и Евгения отправились в Лаврскую обитель к схимнику Михаилу для получения благословения на иноческие подвиги. Выслушав их, этот смиренный старец извлял свое удовольствие благим намерением

подрут, но не благословил, говорил, что «келлия сия для нас неудобна».

Спустя некоторое время в 1811 году во Флоровском монастыре произошел пожар, и слова старца-скипника о неудобстве келлии сбывшись. Монастырь сгорел, а с ним и келлия, купленная Екатериною и Евгениею. Слова оказались они в миру. А тут еще разнеслась молва, что сгоревший монастырь

не будет восстановлен. Кажется, последняя надежда устроится во Флоровской обители была у них отнята. Тогда, предавшись в волю Божию, погорельцы решили отправиться опять в Воронеж и в силу резолюции о прощении поступить обратно в Покровский женский монастырь. Придя в Воронеж и начав хлопоты о принятии их, они вдруг получили из Киева извещение о восстановлении Флоровского монастыря после пожара и приглашение на поступление в оный. Обрадованные сию вестью, подруги немедленно отправились в Киев, везя с собою и гроб святителя Тихона. Труден был их путь.

Им пришлось терпеть и голод, и нужду, и всякие лишения, пока добирался до Киева. По прибытии же они были приняты во Флоровский монастырь, где, прожив покойно некоторое время, снова должны были перенести тяжелое испытание. Новая келлия их опять сгорела, и им, как не имеющим места, было приказано удалиться из монастыря. Убитые горем, несчастные наняли за городом убогий уголок, ища себе утешения в молитве. Бехтеева безпрестанно плакала, сокрушалась, а Евгения молилась и утешала ее.

Но вот неожиданно Екатерине представился случай, который последствием и вывел их из тяжелого положения, дав возможность посвятить себя служению Господу. Идя однажды в Лавру, Бехтеева была встречена неким хорошо знавшим ее знатым воронежским господином, находившимся временно в Киеве. Будучи обрадован

встречей, знатный паломник из Воронежа остановил Екатерину, стал расспрашивать о положении ее и, разузнав о бедствии, отправился вместе с нею в Лавру и упросил владыку, митрополита Серапиона (Александровского), принять Екатерину и Евгению обратно во Флоровский монастырь.

Владыка обещал на первой неделе Великого поста посетить мо-

веренность и уважение всех монашеских старцев».

Но сколько на чужбине не гостит, а на родину отправиться необходимо. Сколько в сем светлом мире не живи, а придет последняя минута, когда и богат, всем изобилующий, и нищий, имеющий одно рубище, должны оставить все земные заботы и попечения, счастье и страдание, удалиться в мир иной и дать там отчет во всех своих деяниях пред Всевышним Судьею, который воздаст каждому по его заслугам.

Наступила наконец эта минута и для инокини Елены. Весною 1834 года, «в половине марта», она заболела. Но и болезненно она не смутилась, душою не скорбела, а бодрствовала наподобие счастливого путешественника, знаящего, что, прибыв на родину, он встретит там нежный привет и ласку. Она в самой болезни была необыкновенно терпелива, укрепляла себя молитвами и, чувствуя близость кончины, пожелала принять Святые Тайны «через богобоязненного старца протоиерея».

Трудно описать, с какою величайшею радостью и трепетом произносила она слова предвечной молитвы: «Верую, Господи!»

На вопрос не отходившей от нее ни на минуту инокини Евгении, почему она с таким особенным чувством возглашала: «Верую, Господи!» — Елена ответила, что она видела Св. Чашу с Тайнами, окруженную небесным сиянием.

Противившись потом со всеми окружающими, марта 23 дня 1834 года Елена с миром отошла во Господу, сбросив с себя телесные узы, связывавшие ее с здешнею жизнью, скрылась навеки в тесную келлию могилы, будучи положена во гроб святителя Тихона, согласно последней ее воле.

Публикация подготовлена с использованием текста «Воспоминания об инокине Елене, почивающей в гробе святителя Тихона Задонского в Киево-Флоровском женском монастыре»

Трипелная урновка и могила инокини Елены (Бехтеевой) в Киево-Вознесенском Флоровском женском монастыре

настырь и отвести им место для келлии. Но это обещание митрополита Серапиона исполнил уже преемник его, приходившийся дальним родственником Екатерине Евгений (Болховитинов), вступивший на Киевскую кафедру в 1822 году. Но и то не сразу. Вышла тогда игуменья Смарагда, видимо, зная о воронежской истории и опасаясь за свою власть, долго не соглашалась принять Екатерину и Евгению. Только по настойчивому требованию владыки они были приняты в число инокинь Флоровского монастыря. После чего, предположительно, Екатерина и приняла иноческий погост с именем Елены.

Напрасны оказались опасения матушки Смарагды. Умирная и наученная многими годами скорби и лишений, инокиня Елена отличалась во Флоровской обители от юности свойственными ей безконечною добротой и примерною жизнью. Своими трудами, любовью к ближним и милосердием она «приобрела при-

ила я с папой и мамой в селе Благодатном. А в Таганроге у моих родителей были знакомые – бабушка Феодора и дедушка Иван. Они знали отца Виталия: он к ним раньше частенько наведывался, когда еще жил в Таганроге, окормляясь у старца схиигумена Алексия. Как-то раз бабушка Феодора и дедушка Иван поехали к Батюшке в Грузию, прихватив с собой и мою маму. Когда началась первая беседа, отец Виталий стал ей рассказывать: «Взял я к себе одну с ресторана, а мне и говорит: «Зачем ты ее взяла? Она же Богу не молится и креста не носит!» ...А на тебе есть крест? Покажи». Мама показала и говорит: «Это Вы, наверно, про мою дочь говорите – это моя дочка крестик не носит». А Батюшка: «Так я и знал! Сейчас Вы скажете, что я все знаю! Я ничего не знаю, это я просто так рассказываю... А я им тогда: «Что ж вы говорите, что она не носит креста, когда есть на ней крест!» А потом говорю той, что с ресторана: «А ну-ка сготовь мне и накрой на столы так, как ты в ресторане готовила!» Она как приготовила, как накрыла! Все сели – чего там только нет!» А ведь Батюшка, действительно, говорил про меня. В ресторане я, правда, не работала, но жила совершенно по-мирски, пока не узнала Батюшку. А потом, когда я уже с ним познакомилась и приезжала в Бурдино, меня при посещении архиереев часто вызывали туда столы накрывать – и владыке Ювеналию Воронежскому мы готовили, и владыке Агафангелу Одесскому. Тогда-то я и вспомнила, что сказал отец Виталий про меня моей маме при первом их знакомстве.

Мама моя затем не раз бывала у отца Виталия, и мой папа тоже ездил к нему. Однажды вызвали папу письмом: просили, чтоб дедушка Николай приехал. Оказывается, на Дидубе нужно было настелить полы. Папа отправился туда и все сделал. Потом рассказывал, что Батюшка даже плакал, говорил: «Вот, дедушка, теперь у меня здесь, как у царя». В тот раз папе дали монашество, а мы с мамой ничего об этом и не знали... Еще папа рассказывал, как одевался отец Виталий, пока у него не было документов: кофточку наде-

ЧЕЛОВЕК КОНИИ

Блаженной памяти
схиархимандрита
Виталия посвящается

Беседа 19

Из воспоминаний схимонахини Марии

нет, платочком перевязается – и так ходил.

А теперь расскажу, как я сама познакомилась с отцом Виталием. Он часто бывал в Спском у покойной матушки схимонахини Евдо-

ки (она умерла в конце восьмидесятых – в 1987-м или в 1988 году, не помню точно). И вот однажды, когда он в очередной раз приехал к ней, то прислал за нами раба Божиего Георгия, который работал тогда в музыкальной школе¹. «Отец Виталий сказал, чтобы вы все трое приехали», – передал нам Батюшкino благословение Георгий. Мы с родителями собрались и отправились... А перед этим ночью мне приснился сон, будто стою я где-то в лесу и вижу, что под деревом сидит большой старик. В руках у него – большая книга. Я у него спрашиваю: «Дедушка, скажи мне, что зна-

чит «духовный отец?» Он раскрыл книгу и начал мне рассказывать... И когда мы только приехали к матери Евдокии, мне показалось, что атмосфера у нее точно как в лесу: тишина, благодать. Все разговаривают тихо и ходит неслышно, чтобы соседи ничего не заподозрили и не узнали. И среди всех тихо ходит Батюшка... Вот так я в первый раз его увидела.

Впоследствии отец Виталий приезжал и к нам. Это было уже после того, как ему сделали операцию на желудке. Нам дали телеграмму, чтобы мы в Иловайске встречали Батюшку Виталия с матушкой Марией. Они проехали в нас полтора месяца. Многие духовные чада, узнав, что отец Виталий в Благодатном, приезжали к нему. Ехали и с Таганрога, и с других городов, и с окрестных сел. Каждый день у нас было полно народа – одни прибывали, другие просили благословения на отъезд. Батюшка встречал своих чад, беседовал с ними. Я на этих беседах, к сожалению, не присутствовала, т.к. мы с мамой в то время на кухне готовили кушать.

Видя, что к нам люди ходят толпами, кто-то заявил в сельсовет, что у нас скрывается человек без документов. В один прекрасный день, когда к нам приехали очередные гости Батюшкino, он вдруг благословил всем ехать на источник в Новопавловку, хотя до этого не выходил даже в церковь – по слабости здоровья и потому, что паспорта в то время у него пока еще не было. Уехал и Батюшка, и все приезжие – оставался я дома одна. И вдруг к нам являлся председатель сельсовета с какой-то женщиной: «Здравствуйте». Я в ответ: «Здравствуйте. А Ваших вещей нет – Вы ведь не заказывали ничего», – я работала в Амвросиевке на заправке, а подрабатывала шитьем. Обшивала иногда и Катерину. Я, конечно, поняла, зачем она пришла, но сделала вид, что подумала, будто она за шитьем. Она посмотрела туда-сюда – у меня ничего нет, я одна – и ушла ни с чем. А вскоре с источника вернулся Батюшка с чадами...

Видя, что и у нас отцу Виталию нет покоя от властей и от посетителей, волнующся за его здоровье и безопасность, мать Мария часные прогоняла приходивших. И

¹ Ныне – схиигумен Гавриил (прим. ред.).

нам, конечно, не разрешала никому говорить, что Батюшка живет у нас. Помню, пошла я в храм. После службы подходит ко мне раба Божия Ольга и спрашивает:

– Отец Виталий у вас?

Отвечаю:

– Нету.

– Ну что ж ты обманываешь?! Он же у вас!

Я говорю:

– Оля, ну что я тебе еще скажу? Нет у нас Батюшка.

Через некоторое время Ольга появилась в нашем дворе, спрашивая отца Виталия. Матушка Мария приналас меня ругать: «Что ж ты всем говоришь, что Батюшка тут?!» Я отвечаю: «Матушка, я никому не говорила». А тут с Амвросиевки приехали – и тоже хотят видеть Батюшку. Я думаю: «Сейчас и эти уйдут ни с чем! Как бы матушку умилостивить?» И говорю приезжим: «Просите у матушки благословения повидаться с Батюшкой». Они: «Матушка, благословите нам зайти? Очень нужно у Батюшки спросить кое-что!» Тогда матушка смягчилась и разрешила. А меня все продолжала ругать...

Папа отец Виталий жил у нас, я, каждый раз уходя на работу, брала у него благословение. А когда возвращалась, только калитку открою – Батюшка бежит к калитке и падает мне в ноги! Я зайду, растеряюсь и не знаю что делать. Матушка мне кричит: «Кланяйся и ты! Кланяйся! Падай ему в ноги!» Только я упаду: «Батюшка, простите меня». Он сразу поднимается: «Бог простит, и меня прости, сестра, – и я беру у вас благословение».

Возвращаясь с работы, я, чтобы сделать приятное Батюшке, нередко заезжала в магазин, покупала полотенца, платков и прочего и, привозя, отдавала ему – я видела, что отец Виталий старался никого не отпускать без подарочка. Людей к нему приезжало много, и у него уже не было ничего, что бы можно было подарить. Матушка Мария думала, что я покупаю себе, и говорила мне: «Ты шифоньер-то хоть закрывай, а то он все раздает, ничего у тебя там не останется».

Папа сделал отцу Виталию на улице шатерчик, поставил туда старинную широкую деревянную кровать – и Батюшка сидел там и плел четки: он не любил праздни-

сти. Сутаж тогда был редкостью, но у меня имелось много ниток мулине – отец Виталий разматывал несколько мотков мулине, потом скручивал их в одну толстую нить и плел из нее четки.

Как-то мы купили арбузы – я анала, что Батюшке они полезны. Он у меня спрашивает:

– Сестра Мария, а мед у тебя есть?

– Есть.

– Возьми арбуз, разрежь пополам и намажь медом обе половинки.

Я сделала, что велел Батюшка.

Он поставил одну половинку арбуза на одну сторону кровати, другую – на другую. Ос налетело великое множество! И все кружится вокруг нас, жуужжат, но ни одна не укусила... Тут забегает матушка Мария: «Что вы делаете?! Что это такое?!» Увидела арбузы, намазанные медом, схватила их и потащила выбрасывать. Потом положила на лопаточку тряпку, подогрела, и начала дымом разгонять ос. Наверно, они не раз ее укусили. А Батюшка говорит: «Не заработаешь – не получишь». А потом обращается ко мне: «Ну что, а тебя ни одна не укусила? Отвечаю: «Нет, Батюшка»...

Отец Виталий рассказывал нам: когда он был в пустыни, он пек хлеб и по холоду босиком носил его братьям через речку. А они и смеялись над ним, и оскорбляли – всякое было... Они не понимали его. Точно так же, как и мы тогда не понимали. Когда у нас гостил отец Виталий, была пора заготовок. Мы солили помидоры, закручивали другие соленья и компоты... Старались вовсю! А Батюшка хотел нам что-то рассказать, наставить, посоветовать. Но частично было так, что его никто не слушал. Однажды он сказал: «Эх, вы! Взять бы палку, да побить эти все ваши банины... Вы потом будете вспоминать и каяться, но будет поздно». Мы тогда не поняли, про что это он сказал «каяться», а теперь вспоминаем и думаем: и правда – зачем нам нужны были эти соленья?! Намного лучше было бы нашей душе, если бы мы около Батюшки сидели и слушали его наставления! А с теми из приезжающих, кто его внимательно слушал, он, бывало, всю ночь напролет беседовал – они были намного мудрее нас...

Отец Виталий предсказал мамину смерть. Сидит как-то и говорит: «Жил один монах в пустыни. Любил в церковь ходить, хором управлял, шел на клиросе. Пойдет, побудет в церкви – опять идет в пустыню. Ходил он так, ходил в церковь молиться, а потом пришел время – и умер. Вы поняли, что я сказал?». Георгий, который сидел в то время у нас, говорит: «Да, Батюшка, я понял». А отец Виталий в ответ: «Нет, ты ничего не понял. После поймешь». Впоследствии мы уразумели, что рассказывал он про маму. Во-первых, она тоже была монахиней – ее Батюшка потом постриг в Грузию, когда она туда к нему приезжала. Во-вторых, жила она как в пустыни – у нас ведь, в отличие от других, не было ни радио, ни телевизора. И ходила мама только в храм. Еще за несколько дней до смерти она хорошо себя чувствовала, но вдруг ее внезапно парализовало и через три дня она скончалась...

Когда Батюшка жил уже в Грузии, я приезжала к нему. А он писал мне письма, присылал посылки – просфорочки, оливки, конфеты. В одном из писем Батюшка написал мне: «Сестра Мария, в случае, если ты останешься одна (умрут родители) – не вдумай выезжать из Благодатного. Живи на насженном месте, иначе будут у тебя вечные слезы». И вот прошло много лет, папа и мама умерли. Приехал ко мне сын и начал вести разговор о том, что неплохо бы мне продать дом и переселиться поближе к нему. Я ответила: «Я думаю продавать дом, уже дала объявление, но недавно нашла письмо отца Виталия, в котором он пишет, чтобы я нигуда отсюда не выезжала, иначе – вечные слезы». Сын очень долго меня уговаривал. Я, исчерпав все доводы и не зная, что еще сказать, достала письмо Батюшки и протянула ему: «На тебе письмо – почитай». Что интересно: он прочитал письмо и тут же замолк, ничего мне больше не сказал. На том и кончилось. Вот уже седьмой год, как живу одна.

Когда я с духовными сестрами приезжала в Тбилиси, Батюшка встречал нас, как и всех, очень любезно. Кормил, благославлял

совершать паломничества по святым местам.

Все, что он рассказывал, было адресовано кому-то: отец Виталий даже иногда шуточной что-то говорил, но кого это касалось – тот понимал. Батюшка говорил нам: «Приезжайте, пока есть время, пока открыты границы. А мы не верили: «Какие там границы?» А теперь каких только нет границ...

Вспоминается еще такой случай. Однажды, когда мы с тетей

Катей уезжали от Батюшки, отец Виталий надавал нам в дорогу профессор, тете Кате дал еще шалку и велел нам ехать прямо домой. А тети Кати мне говорит: «Давай заедем в Сочи, чтоб невестка не прознала, куда я езжу – я сказала ей, что мы едем покупать духовые платки. Заедем – купим ей пуховый платок». А Батюшка велел нигде не останавливаться. Но мы не послушались – отравились в Сочи, поехали там за платком, оставив свои

вещи в камере хранения. Вечером сели в поезд, полетели в свои сумки – тети Катя мне и говорит: «Мани, у меня то и то пропало...» На меня напал безудержный смех. Она: «Да что ж ты хохочешь?! У меня вещи украли, а ты смеешься?! Я ей в ответ: «Тети Катя, мы ведь Батюшку не послушали – благословение не выполнили! Отец Виталий говорил нам ехать прямо домой, а мы? Вот и пропали у нас вещи! Надо было слушаться Батюшку».

Келья святителя Тихона Задонского

Есть на Афоне обычай: не только монастыри и скиты, но и отдельно стоящие кельи, в которых подвизаются один или несколько монахов, посвящая какому-либо святому. Но только недавно нам стало известно, что есть в монастыре Симонопетра келья, названная в честь святителя Тихона Задонского. В ней в конце XIX века было явление святого некоему греку...

Как-то осенью несколько человек нынешней братии Рождество-Богородицкого Задонского монастыря побывали на Святой Горе. Путешествие их по Афону продолжалось две недели, за это время они успели посетить достаточное количество святогорских обителей. Прибыв в один из дней в монастырь Симонопетра, захотели осмотреть и его.

В архондарике (монастырской гостинице) им предложили обычное для Афона угощение – 30 грамм раки, лукум, стакан воды и чашечку кофе. Расспросив через переводчика, откуда прибыли братья и надолго ли задержатся в монастыре, монах-гостиничный попросил немного подождать, сказав, что сейчас им проведет экскурсию иеросхимонах Тихон.

Через некоторое время к паломникам вышел старый старец лет шестидесяти пяти и повел их по обители, рассказывая об истории монастыря и его святых. Когда экскурсия была окончена, один из братьев в знак признательности подарил иеросхимонаху иконочку святителя Тихона Задонско-

го. Старец оживился, стал расспрашивать, откуда приехали монахи, сколько в Задонском монастыре подвизается насельников, как протекает их жизнь. Затем, с умилением приложившись к подаренной иконе, поведал им такую историю.

В конце XIX века некий грек, желая подвизаться на Афоне, прибыл на Святую Гору и испросил разрешения купить в монастыре Симонопетра старую заброшенную келью, на что и получил дозволение в Протате. Узнав, что келья, которую он захотел купить, в честь неизвестного ему русского святого Тихона Задонского, грек решил переименовать ее и заявил об этом. Ему ответили, что для этого надо переформатировать документы и заплатить определенное количество денег. Грек согласился. Через несколько дней, обустроившись на новом месте, он заснул и увидел во сне, как незнакомый старец вошел в его келью и начал собирать какие-то вещи. От неожиданности спящий вскопчил и, увидев старца уже не во сне, а наяву, в недоумении спросил, что тот здесь делает, на что получил печальный ответ: «Была у меня здесь, на Афоне, одна келья, да и из той выселяют. Уйду обратно в Россию», – старец, который собирал свои вещи, оказался святителем Тихоном Задонским... Грек провел в

беседе с ним почти всю ночь, а наутро снова поспешил в Протат, чтобы заявить о своем желании переименовать келью. С тех пор и поныне на далеком Афоне существует келья в честь святителя Тихона Задонского.

Поведав это братии, иеросхимонах Тихон добавил, что сам он и его духовный отец – ныне покойный иеромонах Тихон, русский иконописец, который подвизался в том же монастыре Симонопетра – при постройке были наречены в честь святителя Тихона Задонского. Затем священнослужитель

Одна из заброшенных келий Горы Афон

провел их в свою келью и показал икону святителя Тихона, которую его духовный отец написал ему в благословение. Икона, добавил он, чудотворная. Перед расставанием иеросхимонах Тихон спросил, можно ли ему как-нибудь приехать в Задонский монастырь, на что получил радужное приглашение. «Зимой к вам не поеду: боюсь, замерзну, у вас очень холодно», – улыбнулся на прощание старец. Братья отправились в дальнейший путь, унося с собой воспоминания о селении афонском монахе и рассказанном им явлении святителя Тихона...

Христианам о христианстве

из бесед с кавказским пустынноиком

О СОВРЕМЕННОМ МОНАШЕСТВЕ

Часть 2

Говоря о современном монашестве, думается, что нам все-таки не стоит унывать. Хотя и нужно осознавать всю серьезность нашей ответственности в будущем, но в то же время не впадать в уныние и расслабление. Просто необходимо для себя определить, чем характерен наш период жизни, как нам нужно жить, чтобы спастись. А для этого есть очень важное святоотеческое наставление, которое мы читаем в Житиях Святых. Почему-то оно у современных людей затерялось из виду, не обращают на него должного внимания. Это наставление – из видения, которое было дано преподобному Пахомию Великому, и которое я неоднократно упоминал прежде (см. Жития Святых за 15 мая по старому стилю). «И виде Пахомий ино видение: ров глубокий, мрачный и в нем безчисленное множество иноков. Из них мнози тщахуся изыти отуду и не можаху, понеже друзи и онех паки во глубину рва с собою реяху».

Вот эти слова «понеже друзи и онех паки во глубину рва с собою реяху» говорит о том, что мы не должны обращать внимания на чужие немощи и не должны соучаствовать с другими в их греховных увлечениях. Если мы чувствуем, что кто-то нас толкает на грех, мы должны помнить эти слова, и удалиться от греховного подражания.

Вопрос: А разве человек виноват, если он не сам падает, а его увлекают? Тут, вроде бы, и оправдаться можно.

Ответ: Самооправдание – это уже сугубый грех, это свойство сатаны. Помню, однажды я пришел к отцу Серафиму (Романцову) и

спросил у него, как быть, если кто-то говорит мне: «Вот я беру грех на себя, а ты, мол, делай так-то». Он ответил, что ни в коем случае так делать нельзя. Ну, скажем, пришел я в чей-то дом. Хозяева мне говорят: «Сегодня хоть и пятница, но ты как путешествующий кушай яичницу – я беру грех на себя». Я спросил у батюшки: «Отец Серафим, можно так делать или нет?»

Преподобный Пахомий Великий

Кушать ее или не кушать?» Старец ответил: «Ни в коем случае. Потому что это будет двойной грех».

Вопрос: Кому?

Ответ: Тебе и ему. А тебе сугубо – за себя и за того человека, поскольку ты знаешь, что ты делаешь преступление, поступаешь вопреки заповеди Христовой и устава церковного и все-таки сознательно на это идешь. К тому же ты не щадить душу человека, допускаешь, что он берет грех на себя. Об этом отец Серафим мне вот так сказал. Еще я спросил у старца: «А если предлага-

ют в постный день пищу с постным маслом или рыбой (когда по уставу этого не положено), то как быть? Кушать или нет?» Старец ответил: «Не кушай только скоромного».

Но продолжим разбор видения преподобного Пахомия. Дальше читаем: «А инии близ берега бывше и уже изыти имуще, внезапно отторгнися, паки во глубину рва того низпадаху». Из этого следует, что если нам кажется, что мы уже преуспели и даже вот-вот достигнем совершенства, это – самообольщение. Потому что мы можем оборваться и полететь в мрачную пропасть в один момент.

Вопрос: Что обозначает эта мрачная пропасть – мрачный ров, показанный преподобному Пахомию?

Ответ: Мне думается, что это – ров погружения в различные греховные страсти, поскольку, читая Псалтирь, мы молимся, просим: «Возведи мя от рова страстей и от брениа тьмы» (ср. Пс. 39, 3). А мрак в этом ров обозначает в общем удаление от благодати, просвещающей всякого человека. А в особенности – это пребывание в какой-либо (справедливой или несправедливой) ненависти к ближнему. Об этом определено говорит апостол Иоанн Богослов: «Ито говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме. Ито любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем содеяна. А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза» (1 Ин. 2, 9-11). Поэтому надо быть очень внимательным и осторожным: никого и ни в чем не должно

осуждать – это страшное дело. Здесь (в видении), конечно, этот момент не растолкован. Может быть, именно за какое-нибудь самодовольство, за уничтожение других произошло вот такое наказание.

Далее читаем: «Друзья же, немощнейшие, влучаше падше, в присноподней галюху». Мне подумалось, что это касается тяжелых, смертных грехов, если вот так об этих людях сказано: «в присноподней галюху».

«А ниши умиленими гласы вопиаху», – действительно, мы, будучи в бедственном духовном состоянии, единственно, что можем – вопить из глубины души, подобно как из «ада присноподнейшего». Но Господь эти гласы, конечно же, слышит.

«И бых в себе преподобный, размышляше виденное. И познаваше, каковое в последние дни иметь быти во иноцех небрежение, леность, помрачение и падежи, яко образ токмо в них будет иночества. И рыдаша о том вельми».

Стоит обратить особое внимание на слова: «В последние дни иметь быти во иноцех небрежение». Вот что, оказывается, губит монахов во все времена, в том числе, и в последние – «небрежение, леность, помрачение и падежи». «Падежи» – в смысле греховные падения. Но если мы будем внимательны и не будем допускать осуждения совести, то мы не будем жить в небрежении. Так что погубляют нас не «трудные условия», на которые все так любит ссылаться, не то, что мало наставников, что нет прозорливых старцев или еще что-то подобное, а наши небрежение и леность. И если мы не обратим на них должного внимания, то они доведут нас до погубеля.

Характерно, какая симфония наблюдается у Святых Отцов – в частности, у преподобного Пахомия Великого и преподобного Василия Нового (и ученика его Григория). В

видении Григория, ученика преподобного Василия, сказано про последних монахов, осуждающихся на муку: «И биху же на выих их леность и небрежение». То есть, как видим, здесь также сказано о лености и небрежении. Преподобный Василий Новый жил в X веке, а преподобный Пахомий – в IV. А Дух Святый изреч одно и то же: погубит монахов **леность и небрежение**¹.

Прочтем еще немного из видения Григория, ученика преподобного Василия. «Умыние и нераде-

ние, яко змии висиху. Непокорение, яко железо тяжкое обдеряжу хребет их». Вот какие еще страсти обличают в нас Святые Отцы: уныние, нерадение и непокорение. И мы, если с ними не будем бороться, не будем искоренять их из себя, то, конечно же, они нас погубят.

И далее у Григория говорится: «На них же возре Господь, разгневался, яко одолеша их страсти». Вот на что нужно обратить внимание – страсти наши нас погубляют. А где, когда, при каких условиях – это не столь существенно, у каждого свои обстоятельства. Но в любом случае, если совесть наша обличает

нас, что мы удовлетворяем страсти, следовательно, в этом мы должны какяться и исправляться.

«...И окверниша второе данное им святое крещение, и обещания своего не сохраниша, и рабы быша страстем поплским в **помышлении своем**. Я не случайно подчеркнул: «**в помышлении**». Вот как это важно – даже не в делах, а в **помышлениях**. Скажем, если хочет монах пойти напиться: «Вот я бы сейчас пошел, напился, но только уже поздно – из монастыря сейчас не выйду», – то это ему изменилось в грех, что он пошел и напился. И если человек этого не осознал, не покался, на Суде он за это будет отвечать.

Вопрос: Получается, что если он хотел совершить, но все-таки не согрешил (по каким-то препятствующим обстоятельствам), то он будет осужден будто согрешивший. Но ведь помышления и дела – это же огромная разница, между ними какая дистанция. Как же так?

Ответ: Дело в том, что человек в этом случае все-таки питает в себе страсть.

Вопрос: Но как же он будет судим за дело, если дела-то не было?

Ответ: Он будет судим как одержимый страстью. А каждая страсть подвергается суду и осуждению. Это недоумение у нас возникает потому, что мы не внимаем словам Священного Писания. В Евангелии очень четко сказано: «Иже воззрит на жену во еже возжелети ея, уже любодействова с нею, в сердца своем» (Мф. 5, 28). Вот, человек не совершил грех любодеяства на деле, но пред Богом он уже грешен. И у Святых Отцов сказано, что грешным становится человек не тогда, когда он сотворил грех на деле, а тогда, когда он склонился на него своим свободным произволением. Но только, конечно, спрос с него будет именно за то, что он предался этому греху в своей воле, а не

¹ От редакции: Во избежание неправильного понимания данного изречения приведем некоторые мысли по этому поводу современного пастыря протонера Владимира Воробьева: «Следует признать, что мы дожили до такого периода церковной истории, когда многое для нас стало невозможным, запредельным, многие подвиги от нас удалялись, стали для нас немисляемыми, невозможными... Каждому времени соответствует свой уровень трудности и нас достижения духовные. Господь не вменит нам то, что мы не достигаем таких вот уровней, такой праведности, святости, как древние святые. Но от нас требуется то же самое, что и от них... требуется подвиж... Учение Церкви говорит, что нет людей, для которых жизнь духовная невозможна. Она может быть трудна, но сама эта трудность, если ее преодолеть, даст человеку духовную жизнь... Когда человек не может чего-то сделать (даже не очень значимого в наших глазах – к примеру, исполнить свое послушание перед старшими или воздержаться от слова в ответ обидчику), но с верой в то, что Бог ему поможет, устремляется навстречу этой трудности – вот это и есть подвиг. Как только таким подвигом веры, преодоления самого себя, своих страстей начинает жить человек, для него открывается духовная жизнь». («Свет Православия», Рязань, 1997 г.).

составил его на деле. Само собой разумеется, что тивясть греха, содеянного делом, и тивясть греха только от решения на него произволением – разные. Это, думаю, должно быть понятием. Ну, скажем, если мы где-то в навоз чуть-чуть залезли ботинком – это одно дело. И совсем другое дело, если мы окунулись в это навоз по самую шею. Разница здесь есть, но в том и другом случае смрад уже присутствует на нас. Вот в чем суть дела.

Вопрос: А если пришел к человеку греховный помысел, а он не хочет этого греха совершать? Если приразился такой помысел, а человек пошел, покался, то это же не вменяется ему в грех?

Ответ: Здесь идет борьба: человек искнулся помыслом, но не согласился на его предложение. А если он все-таки в своем произволении немного склонился на его соблазн, то, значит, уже произошла какая-то степень сочетания а помыслом. Если человек покался – то и очистился. Но если он в этом пребывает – в согласии с помыслом, – то не очищается от греха и, следовательно, осуждается.

Вопрос: Если греховный помысел приходит, и человек дает себе отчет, но не сразу? Может быть, как-то увлекся – ведь враг за сласть «тянет», «подсовывает» то, что интересно. И бывает так: попался человеку на крючок, но прошло немного времени и он задумался: «что это?.. к чему это меня ведет?» И когда, наконец, разобрался, кто «прислал» ему эту мысль, тогда начинает сопротивляться. Вот если на таком уровне все происходит: не тогда, когда человек дает согласие на грех, а тогда, когда он, в общем-то, сопротивляется, хотя и не сразу понимает, что увлекся на путь греха? Это же, наверное, большая разница?

Ответ: Правильно. Об этом очень хорошо сказано у аввы Дорофея, что есть сопротивляющийся страсти и есть исполняющий страсть на деле. Тот случай, который сейчас был описан в вопросе, – это когда человек сопротивляется страсти. Он временами поддается ей несколько, но потом, опомнившись, кается. Он находится в стадии борющегося со страстью. Он находится как подвижник перед Богом, он не противен Богу. Пото-

му что он по немощи увлекается, но потом, опомнившись, кается и сопротивляется страсти. Он как поднимающийся против страсти, т.е. борющийся со страстью. А в борьбе бывает то поражение, то победы.

Вопрос: А если человек пребывает очень долго в борьбе с каким-то греховным помыслом? Постоянно его исповедует и хочет, очень хочет от него освободиться, но страсть все равно глупнет?

Ответ: Если постоянно исповедует, но помысел остается в человеке, следовательно, человек его любит. То, что мы ненавидим, о том мы долго помышлять не будем. А о том, о чем мы долго помышляем, то мы любим. И если даже не любим всецело, то какое-то сочувствие все равно у нас есть. Вот это сочувствие нужно искоренить. Тогда помыслы еще некоторое время будут одолевать, но недолго. А замедление помысла облачает наше сластолюбие.

Вопрос: Если, допустим, пришел какой-то мерзкий греховный помысел, и человек его слышит хорошо, и душа аж вздрагивает и не понимает: «Что это? Это не моя мысль! Я этого не хочу!» Как распознать эту ситуацию? Душа оквернилась этим помыслом, и зловоение уже будет?

Ответ: Будет, если душа не смирилась. Нужно смириться, поклониться пред Богом и сказать: «Богородице, прости меня и очисти меня от всякой свирепой плоти и духа». Потому что душа уже ощутила прикосновение смрада – вразие приращение и обольщение (и наверняка не случайно, почва какая-то для этого была). Образно говоря, если, допустим, сидим мы где-то около костра, дрова «стреляют», и упала искра на нашу одежду. Если мы вовремя ее заметили и стряхнули сразу, значит, она не прожгла нам одежду. Если невозможно замедлить, следовательно, там будет «поджаренное» пятнышко. А если еще дальше не обратили на нее внимания – эта искра нам и дырку делает. Понимаешь? Вот образ замедления помысла. Здесь сам принцип важно понять. А то, в какой уже степени, в какое время, насколько человек принял, насколько уладился – это уже знает только Господь и человек. Но я о самом принципе говорю, что мы, как только осознали помысел,

что он как-то нас окверняет, что он к какому-то греху нас влечет, обольщает как-то, – в этом мы должны каяться. И насколько мы сильнее и искреннее покаемся, настолько и будем чисты от греха.

Вопрос: Наверное, вот эти помыслы как бы напоямяют, в каком состоянии мы находимся, кто мы такие есть вообще.

Ответ: Да, Господь фактически попускает нам их для того, чтобы мы понимали свою немощь, свою удобосклонность ко всякому греху и смирились. В основном эти помыслы приходят после гордых помыслов. Как о том говорит преподобный Силуан Афонский: как только придет гордый помысел, если душа не осознала, не покалалась, следом за ним идет свирепый помысел. Тогда она кается и в том, и в другом. А если не покалалась и в этом помысле – идет малый грех, если не покалалась в нем – значит, идет больший грех, и так до тех пор, пока душа не осознает своей гордыни и не смирилась.

Вопрос: А когда приходит помысел, который не «подбрасывается», а вырастает полностью?

Ответ: Это чаще всего бывает за какой-то грех: за гордый помысел, за помысел осуждения, за самонадеянность, самопревозношение или укорение. В частности, о худальных помыслах сказано, что они приходят после того, как душа кого-то в чем-то укорит. И чем она сильнее укорит, уничтожит или, тем более, оклевещет – тем горячее бывает расплата. Худый бес может мучить по-разному: или только иногда врываться в как молния «царапая» душу, или даже длительные время надеваться, от чего душа будет страдать очень долго и мучительно. Но главное, что нужно осознавать при таких нападениях, что это – поупечение Божие за какой-то наш грех, в частности, за укорение ближних. А потому нужно горячо и искренне в этом каяться и стараться больше этого не допускать.

Каждая страсть начинается с помысла, а потом уже претворяется в дело. Так что желающим жить по-монашески нужно обратить на это должное внимание, а не заглушать голос своей совести самооправданием, обманывая себя тем, что, дескать, «я же не совершаю этих поступков на деле»...

обращения об открытии нетленных мощей св. Тихона, еще 20 мая 1846 года направленные в Святейший Синод и обер-прокурору лично, на долгие годы лежали «под сукно» в кабинетах, где решались дела Церкви, несмотря на то, что архиепископ Воронежский и Задонский Антоний обращался в Синод повторно. Впрочем, преосвященному Антонию было отведено немного времени на хлопоты по открытию мощей. Уже в декабре 1846 года он скончался. Так что первоначальные обращения в Синод прямых последствий не имели. Но не сдвинуло дело с мертвой точки и позже.

И разные авторы по поводу возникшего промедления предлагали разные объяснения.

Вот, например, что писал Т. М. Олейников в статье «Определение Св. Синода об открытии мощей Св. Тихона», опубликованной в 10-м выпуске «Воронежской старины»: «Вместе со вторым донесением Св. Синоду преосвященный Антоний, за шесть часов до своей кончины... уже слабейшей рукой подписал письмо на Высочайшее имя императора Николая I, в котором, сообщая о чудесах, совершающихся при гробе преосвященного Тихона, писал о всеобщем сладостном и притрепетном желании многих, — «да явлен будет сей великий Святитель веры и добрых дел, лежащий теперь под спудом, пред очию всех». Это письмо при докладе обер-прокурора Св. Синода графа Протасова было представлено Государю императору; прочитав его, Государь 12 января 1847 года собственноручно написал на нем: «Переговорим при свидании». Но эти все и кончилось. Национальное восстание в Венгрии против австрийской власти, восточная война и другие государственные дела — все это заставило императора забыть о донесениях преосвященного Антония, а напомнить ему об этом некому было, так как в Св. Синоде «бумага» преосвященного Антония была затеряна и ее долго не могли найти. В Воронеж же тоже некому было снова поднять этот вопрос».

Что же касается церковной точки зрения на возникшее промедление, то уместно будет процитировать схархимандрита Иоанна

НЕ ВЕРЯ В ИСКРЕННОСТЬ НАРОДНЫХ ЧУВСТВ

Император Николай I так и не подписал рескрипт об открытии святых мощей Тихона Задонского

(Маслова), автора фундаментального исследования «Святитель Тихон Задонский»: «По словам протоиерея А. Лебедева, если можно испытывать тайные пути Промысла Божия, все направляющего во

ника Божия, ставшее к тому времени общеизвестным фактом. Так что торжества по случаю прославления столь чтимого в народе чудотворца обещали стать небывало массовыми.

Меж тем император Николай I, еще при вступлении на престол напуганный выступлением декабристов, с большим опасением относился к сколько-нибудь обширным собраниям подданных. Независимо от повода для подобных собраний, он видел в них возможность возникновения беспорядков или того хуже — бунта.

Эту версию подтверждает, в частности, статья «Почему народ как бы требует открытия мощей» из 30-го номера журнала «Русский паломник» за 1915 год.

Как явствует из содержания данного материала, в части, непосредственно касающейся истории прославления св. Тихона Задонского, интересный материал содержится в воспоминаниях видного военачальника, а позднее — киевского генерал-губернатора М. И. Драгомирова (1830-1905), опубликованных ранее в «Симбирских епархиальных ведомостях». Рассказывая, что «...государю Николаю Павловичу не раз представлялись доклады о канонизации святителя Задонского Тихона. Государь всегда коротко и неизменно отвечал, что народ не стоит на той религиозной высоте, которая ставила бы его в возможность торжествовать причисление еще одного из своих образцовых служителей Церкви к лику святых».

«Народ разбавлялся в своих поляхих о молитве и служении Творцу Небесному, поэтому — нужно остерегаться, как бы не вышло осквернения иконы чтимого на святой Руси обычая — делать, признавать и объявлять святым человека, прожившего весь свой век святой жизнью», — говорил царь».

Киевский генерал-губернатор М. И. Драгомиров, оставивший воспоминания о рассмотрении императором Николаем I прошений по поводу открытия мощей св. Тихона Задонского

блага, то это замедление должно было послужить к укреплению веры относительно чудесного нетления тела святителя Тихона, чтобы никто не мог сказать, что тело оставалось нетленным, потому что стояло в закрытом месте (хоть и сыром), куда не проникал воздух. После этого оно простояло еще 16 лет почти на открытом теплом воздухе, особенно благоприятствующем его разложению, и несмотря на это осталось непричастным тлению. Все это свидетельствовало о присущей этому телу благодати Божией».

И все же главным препятствием на первоначальном этапе в деле канонизации святителя Тихона, опочившего в Задонске, стало, видимо, именно всенародное почитание его памяти как угод-

И, как следует из дальнейшего текста цитируемой статьи, опасения императора Николая I оказались не столь уж беспочвенны. Впрочем, виновата в беспорядках оказалась в итоге власть, а вовсе не народ.

Вот что сказано в «Русском паломнике» далее: *«Торжество открытия мощей святителя Тихона произошло только в 1861 году, в царствование императора Александра II. Отсутствием Александра II. Отсутствием приехавших властями мер вызвана была масса несчастий, приключившихся с народом, собравшимся на поклонение святому Тихону. Предание гласит, будто бы сам Господь настолько опекался исходом этого события, что сказал: «Правильно отец*

мой заключил, и я буду несправедлив, если когда-нибудь, в течение своего царствования еще раз разрешу такое торжество, до тех пор, пока не приду к твердому убеждению в том, что народ всецело, искренно, с твердостью возвратится в лоно Церкви своей православной».

И обещание свое Александр II, как известно, сдержал. Хотя, как показывают воспоминания все того же М. И. Драгомирова, он просто, как и его отец ранее, не понимал народа, которым Господь сподобил его управлять. Михаилу Ивановичу довелось присутствовать на открытии мощей святого Феодосия Черниговского в 1896 году и видеть толпы народа, благоговейно настроенные. *«Вид-*

но, что для такого дня, отдавшись исключительно наплыву религиозных чувств, они об водке и думать забыли; куда девалось асенавистское озорничество!» — с умилытым восторгом вспоминал на склоне лет герой русско-турецкой войны 1877-1878 годов.

Так что будь губернская власть пораспорядительней, и в Задонске можно было бы избежать той толчеи и давки, о которой даже воронежские авторы в итоге не смогли умолчать. Ведь народ и сюда пришел 13 (26) августа с чистым, исполненным искренней верой сердцем, дабы почтить память новопрославленного угодника, а вовсе не из желания устроить столпотворение...

Л. МОРЕВ

АРХИЕРЕЙ ПРАВДОЛЮБИВЫЙ И НЕСТЯЖАТЕЛЬНЫЙ

таков был владыка Сергей, епископ Курский, участник торжеств по случаю открытия мощей святителя Тихона в Задонске 13 августа 1861 года

Известно, что Святейший Синод благословил *четырёх архиереев возглавить богослужения в Задонске по случаю состоявшегося 13 (26) августа 1861 года открытия святых и целовноносных мощей новопрославленного угодника Божия Тихона. И, это надо особо подчеркнуть, выбор Св. Синода был совсем не случаен. Столь великое и ответственное дело поручено было святителям из числа тех, кто снискал авторитет в Церкви того времени своей управительской мудростью и высокой духовностью. Возглавив тогда торжество митрополитом Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор (Никольский) — один из тех, чей голос, наравне с митрополитом Филаретом (Дроздовым), был решающим в Православии Российской Империи. Архиепископ Воронежский Исосиф (Богословский) непосредственно потрудился над тем,*

чтобы святость Задонского чудотворца получила официальное признание. Епископ Тамбовский и Шацкий Феофан (Говоров), причтенный ныне к лику святых, еще до поставления своего во епископа, прославился как муж искушенный в богословии и редностный проповедник.

Но был в те дни в Задонске еще и епископ Курский Сергей, до сих пор остававшийся как бы в тени. В большинстве изданий даже и мирскую его фамилию не указывали... Меж тем для века девятнадцатого этот видный духовный писатель был личностью небезызвестной. Например, его статья «Об исхождении Св. Духа» признавалась одним из лучших пособий для православных в борьбе с активно, как и в наши дни, ведавшим наступление «латинством», как именовали тогда католичество. Весьма показательно и то, что он разделился с митрополитом Филаретом

(Дроздовым) труды по переводу Священного Писания на современный для XIX столетия русский язык, будучи членом редакционного комитета по изданию творений святых отцов в русском переводе.

И именно святитель Филарет, причтенный ныне к лику святых, благословил на святительское служение бывшего тогда ректором Московской духовной Академии архимандрита Сергея.

Присохидия же епископ Сергей (в миру Николай Яковлевич Ляндеский-Каркадиновский) из сословия духовного. Родился в 1820 году в Туле, в семье прогонера. Окончил Тульскую же семинарию. Получил высшее образование в Московской духовной академии. По окончании курса трудился здесь библиотекарем, позднее — инспектором, а затем — и ректором. А в 1861 году был возведен в сан епископа Курского и Беагородского.

По этому случаю 1(14) января митрополитом Московским и Коломенским Филаретом сказано было следующее краткое «Слово», которое считаем мы уместным привести здесь полностью.

«Преосвященный Епископ Сергий!

Благословением Святейшаго Синода, благоволением Благочестивейшаго Самодержца, над сими же, невидимым мановением Господа Вседержителя и Великаго Архиепера, прошедшаго небеса, ты призван, и ныне благодатию Святаго Духа освящен в служение епископства.

Служение высокое, по благодати, данной ему; смиренное, по примеру и заповеди смиреннаго сердца Иисуса Христа; трудное, по причине страстей и немощей человеческих; спасительное по своей цели.

Как смотришь ты теперь на поприще, открывшееся пред тобою? Радующся ли? — Страшущся за тебя? — Страшишься ли? — Радующийся тебе. Если, по учению

Апостола, каждый должен со страхом содевать спасение (Фил. 2, 12) своей одной душой: с каким страхом должно служить спасению тысяч и тем душ. Страх усилит бдение и подвиг, и смирение привлечет вышнюю помощь.

Твоей деятельности предлежат молитва, учение, управление, церковный суд.

Подвизаясь, чтобы молитва была крепка и чиста, учение православно, управление благопопечно, суд праведен и растворен милостиво.

Да будут у тебя вера и любовь к Богу крилами молитвы, слово Божие — непреложным основанием учения, правила и примеры святых отцев — руководителiami жизни, управления и суда.

Наипаче да не изменяет молитва. Как из облака — молния, так из молитвы — свет истинный и разумения. От молитвы сила власти. С молитвою пронзитель и верен суд.

Возноси от земнаго жертвенника к небесному молитвою о Благочестивейшем Самодержце на-

шем, о Святейшем Синоде, о всей православной Российской Церкви и царстве, о всей православной вселенской Церкви, и ныне, как древа, не безопасной от бед во ажебратии (2 Кор. 11, 26), а в некоторых странах, в сии христианския времена, пред лицом христианских царств, так же как в язычския времена, гонимой властями христианства.

И если при помышлениях о великом ненеуместно внимание

Успенский собор Троице-Сергиевой Лавры, в склепе которого погребен владыка Сергий, в бытность свою епископом Курским присутствовавший на открытии мощей святителя Кирилла

и к малому, предлагаю вниманию твоего братолюбия, чтобы не забвен был в молитвах твоих послуживший с собратиями твоимю освящению, дабы поминованиями много во входе и прохождении поприща обрел милость во исходе.

Милость Господня да предвзряет и сопровождает тебя вся дни живота твоего».

В продолжение своего пощения о совершенствовании новооставленного епископа Курского митрополит Филарет и порадел о направлении его в Задонск, где в те дни прославляла архиепера пренепростого и негоджого.

И наставления митрополита Филарета не пропали втуне.

Дальнейшее святительское служение владыки Сергия было столь успешным, что будучи возведен в сан архиепископа и сменив последовательно кафедры в Казани, Кишиневе и Херсоне, удостоился он unasледовать освещенную пребыванием многих славных и святых служителей Божиих кафедру Московскую и

Коломенскую с возведением его в сан митрополита.

Как отмечал один из биографов святителя Сергия, К. Я. Зарвамыслов, владыка «известен как осторожный и мудрый правитель, человек высокого ума, обильных сведений, богатого жизненного опыта, строгой во всем мере, настойчивого труда, неослабной энергии, с духом кротости, смирения, простоты в жизни и прямоты характера, покрываемых добротою и щедром благотворительностью».

«Строгость в решениях и в рассуждениях, бодрость в действиях, искренность в разговоре позволяли митрополиту Сергию заслужить уважение всех слоев общества, где бы он ни служил, какую епархию бы он не возглавлял». Ценили во владыке Сергии и то, что «строгий исполнитель закона, он требовал и от других исполнения законов. Сам воздержник, он любил и в других видеть воздержания. Сам постник, он требовал, чтобы и другие постылись. Его

нельзя было подкупить фразами, он не любил фраз. "Вы говорите мне дело и правду". Был строг к другим, особенно к тем, которые в действиях своих проявляли упорную и злую волю. Он никогда не принимал в свою епархию никого из своих родных. О нестяжательности его говорят то, что никогда ничего не заключал под замок. Во всей его комнате не было замков».

На кафедре Московскою, взойдя на которую в 1893 году, святитель Сергий и завершил в 1898 свое служение, а вместе с ним — и жизненный путь, оставив по себе любовь в сердцах паствы и более двух десятков духовных сочинений, сыгравших немалую роль в духовном просвещении России тех сложных лет, когда она все более и более начинала уклоняться к атеистическому и инославному вольномыслию.

Погребен митрополит Сергий в склепе Успенского собора Троице-Сергиевой Лавры.

Внаменский монастырь возрождается

За веру страдания претерпевшие

Глава 14

В начале весны 1929 года последовали аресты монашествующих. 4 марта 1929 г. начато было дело № 28 по обвинению гр. Криворотовой Фелониды Николаевны, Лютчиковой Марии Ивановны, Ильиной Юлии Ивановны, Рязанцева Ивана Алексеевича и Кавказского Владимира Павловича. Всего в рамках этого дела привлекались 15 человек, но осуждены были вышеуказанные. Обвинили их в том, что «...эти лица, являясь руководителями Елецкого женского монастыря, прикрываясь созданной ими же Артелью вышвыльщиками из монашества элемента, вели антисоветскую агитацию с использованием религиозных предрассудков населения, что выразилось в создании групп в монастыре, проводивших работу по удержанию монастыря от его ликвидации, постригали монахинь, разлагавшем влиянии на детей».

Признанные виновными Особым совещанием при коллегии ОГПУ 31 мая 1929 года настоятельница Каменогорской обители игуменья Антония (Фелонида Криворотова), начальница артели — монахиня Маврикия (Мария Лютчикова), письмоводительница и уставщица — расформанная инокиня Юлия Ильина, настоятель Знаменского храма протоиерей Владимир Кавказский и председатели церковной общины Иван Рязанцев были приговорены к 3 годам ссылки каждый. А церковь обители была закрыта за два дня до этого скорого и неправедного судилища — 2 мая 1929 года.

А. Н. Доценко в процессе подготовки своей работы «Святые люди над Ельцом» записала со слов ста-

рожилов такое предание о судьбе последней настоятельницы монастыря игуменья Антония: после закрытия монастыря в 1929 году матушка Антония была арестована и выслана из Ельца, но через несколько

Игуменья Антония (Криворотова)

лет вернулась. В конце 1930-х годов ее вновь арестовали и на этот раз вместе с другими монахинями и монахами расстреляли. Принявшая мученическую смерть за веру, настоятельница была похоронена на старом городском кладбище неподалеку от Казанской церкви.

Иную версию мученической кончины игуменья Антония поведала 86-летняя жительница Ельца В. М. Полева. По рассказам, слышанным Валентиной Михайловной от непосредственных свидетелей, игуменья Антония вела подвижническую жизнь. Категорически отказалась покидать обитель по своей воле.

Тогда представители властей, разбив старце в кровь голову, стащили ее по высокой каменной лестнице со многими ступенями, ведущей с монастырской горы вниз, к святому источнику. В завершение всего ташли «в участок» по каменным городским мостовым, привязав к лошади. От полученных побоев настоятельница скончалась и была похоронена на городском кладбище.

Очевидно, что оба предания сходятся в одном — кончина последней настоятельницы Каменогорья была мученической. Однако документальные подтверждения этого пока неизвестны.

В частности, нет сведений о втором осуждении игуменья Антония. К тому же мы знаем, что тела осужденных и расстрелянных в тюрьмах для погребения не выдавались, а захоранивались в общих тайных могилах. В том же Ельце, где в местной тюрьме на самом деле «работала» расстрельная команда, погребение казненных проводилось в обычном для тех лет порядке. В подтверждение того, что ельчанам в 1930-е годы это было хорошо известно, приведем слова бывшей знаменской монахини Акулины: «Многих батюшек и шже с ними забрала позже. Одних выслали, других расстреляли прямо в Ельце. Рядом с городом выкопали ров и там всех положили».

А вот это предание, сообщенное В. М. Полевой, видимо, заслуживает большего внимания. Естественно, и здесь присутствуют преувеличения, характерные для передачи устной традиции воспоминаний о событиях, отдаленных от настоящего времени изрядным временным промежутком, а также собственные спецприемы «житийных» рассказов. Все-таки речь идет о 1930-х годах, когда любые расправы, даже самые жестокие, проводились строго в рамках «социалистической законности».

Но вот грубое обращение, даже избитые старцы миллииде, вполне могли иметь место. Тем более, если матушка Антония, действительно, заявила о своем твердом нежелании когда-либо добровольно покинуть стены обители. А та-

кое быть могло. Тем более, что еще по осени 1929 года последние настоятели Каменогорья оставались в Ельце, предположительно, в своей келье. Согласно архивным документам, «дело Криворотовой» было пересмотрено 3 сентября 1929 года и ее высылку отложили до выздоровления. Ведь состояние здоровья ее еще весной, во время следствия, согласно прилагаемому к делу свидетельству порочного врача, было весьма тяжелым – на грани жизни и смерти.

Так что, если бы «норган» силой решили поторопить исполнение приговора, пожилая, ослабленная многими болезнями, шугеня Антония просто не пережила бы сколько-нибудь грубого с ней обращения. А потому и могут отсутствовать документальные свидетельства. Из-за смерти старца неприглядную историю, естественно, постарались бы замять...

Не избежали ареста и матушки, еще в 1928-м отделившиеся из-за возникших разногласий от общины-артела Каменогорья, а после окончательного разорения Знаменской обители бежавшие в соседний Задонск и вскоре разделившие здесь горькую судьбу единомысленных им последних насельников Богородицкого монастыря, также бывших приверженцами епископа Алексия (Буя), Елецких инокинь арестовали в Задонске 28 сентября 1929 года, объявив участниками «контрреволюционной группировки», созданной последним настоятелем Задонского Богородицкого монастыря архимандритом Никандром (Стуровым).

Ельчанки Мария Семеновна Нагакина и Александра Филипповна Бобровская были осуждены к заключению в концлагерь сроком на 5 лет с конфискацией имущества. А еще одной бывшей знаменской монахиней – Елизавете Ивановне Бабеняшевой, дочери острожского помещика, несмотря на дворянское происхождение, 5-летний срок в лагере заменен был высылкой на 5 лет в северный край с конфискацией имущества.

Те же знаменские насельницы, что избежали ареста и суда в самом

начале 1930-х, также далеко не все окончили дни свои в мире. Вторая волна, причем куда более жестоких гонений, обрушилась на них в грозном 1937-м.

Сотрудником Государственного архива Липецкой области, членом комиссии по канонизации Липецко-Елецкой епархии В. Б. Поляковым на основании следственных дел, хранящихся в фондах архива, еще в конце 1990-х годов составлен «Алфавитный список репрессированных в годы Советской власти священно- и церковнослужителей», вошедший

Настоятель Знаменского храма
протоиерей Владимир Канкацкий

в «Книгу памяти жертв политических репрессий Липецкого края», увидевшую свет в 1997 году. К сожалению, в «Списке...» обычно не упоминается, к какому именно монастырю принадлежала та или иная репрессированная в 1930-х годах инокиня. Но, как показала проведенная в архиве выборочная проверка (просмотрено 5 дел 1937-1938 гг.), формулировка «грозилась в г. Ельце, монахиня», в сочетании с местом рождения в Ельце или в относительной от него близости, с большой степенью вероятности свидетельствует о принадлежности именно к Каменогорской илючской общине. Следовательно, можно считать, что в 1937-1938 годах были осуждены еще 25 бывших знаменских монахинь, так и не покинувшие Ельце. Все эти матушки

проходили по одной и той же «контрреволюционной» статье 58-10, сроки получали от 8 до 10 лет, а Матрона Сидорова постановлением тройки УНКВД по Орловской области 22 декабря 1937 года была приговорена к расстрелу.

Мож тем монастырские кельи были отданы под квартиры нуждающимся ельчанам. Опустошенный храм занял на несколько лет клуб, а потом величественная церковь, некогда украшавшая Каменную гору, была попросту взорвана и на долгие десятилетия обращена в гору строительного мусора.

Издание «Земля Липецкая» приводит следующие сведения об этом кошмаре: «В 1934 году разрушили церковь Знаменья». А согласно цитируемому А. Н. Доценко рассказу ельчанки Е. И. Павловой, дочери бывшего Знаменского священника Исидора Павлова, после закрытия монастыря главный храм обители разрушали дважды. Вот только точных дат Павлова не помнит. «Разрушили хотели взять с храма кирпич, да весь кирпич рассыпался на куски, так что поживиться им не пришлось. Окончательно разрушили храм уже во время войны... Это сделали люди в военной форме, которые подорвали здание. Дым рассеялся, а стен как не бывало». Прием, Елена Исидорова уверена, что это не были немцы. Когда они стояли на Каменной горе, храм оставался в довоенном состоянии.

Также по воспоминаниям Е. И. Павловой, во время первого разрушения храма иконы забирать не разрешили, между тем икон и утвари было очень много. Их куда-то вывезли. Но отцу Исидору все же удалось тайно вынести два святых образа: Спасителя в терновом венце и икону Божией Матери. Эти священные святые Павловой впоследствии передали в церковь во имя Казанской иконы Божией Матери и в Вознесенский собор. С учетом того, что отец Исидор был арестован в 1935 году, речь, видимо, идет как раз о 1934 году...

(Окончание следует)

Л. МОРЕВ

Схимонахиня Антония (Обвукниной; † 1972)

ольные, приезжавшие к матушке, получали исцеление кто сразу, кто постепенно. Некоторым из них недуг был дан, чтобы ходили в храм и не забывали Бога – такие болели всю жизнь, матушка только облегчала их страдания. Она говорила, что Господь их окончательно не исцеляет для их же спасения: чтобы человек не отошел от Бога и не возвратился к прежним грехам.

Одни из таких больных, долгое время приезжавших к матушке и болевших всю жизнь, после ее смерти сильно занемог и, тяжело страдая, будучи уже при смерти, попросил привезти ему воды из матушкиного колодца. Попив воды, он спокойно и без мучений умер.

Другой несчастный приехал к матушке с Украины. Он был неоднократно физически, был также и недужным: временами его радовало – он распухал, отекал на глазах. Врачи не могли найти этому причины. Матушка сказала ему: «Ты телом останешься больной, зато неизменно станешь в церковь ходить. А твой недуг прекратит тебя мучить – все будет хорошо». С тех пор распухал он, и вправду, перестал – матушка ему помогла. Но физические болезни у него остались. Как матушка и сказала, в церковь он стал ходить неопу-

С КРЕСТОМ И ЕВАНГЕЛИЕМ

Из воспоминаний о старнице схимонахине Антонии (Обвукниной)

Август 3

ститительно. Очень почитал святителя Афанасия «сидячего» (Харьковского) и не раз просил: «Матушка, вот бы и я так умер!» – и умер сидя.

Приведем еще несколько примеров исцелений по молитве схимонахини Антонии, рассказанных схимонахиней Евстратией: «У нас в храме прислуживала алтарница – очень больная, недужная. Господь по молитвам матушки ее исцелил. А был еще и такой случай. Раба Божия Наталья вышла замуж. Ее свекровь занималась колдовством, заговорами. Раз она что-то кому-то «сделала» на стакане воды, а Наташа пришла с работы, взяла эту кружку и, ничего не зная, выпила. Свекровь увидела: «Ох, Наташа, что ж ты натворила!» – ведь это и не тебе приговонял! – она любила ее. И Наталья стала как бы помешанной: и на одной ноге крутилась, и вертелась... Привезли ее к матушке муж и мама. Матушка начала молиться. И ее молитвами Господь Наталью исцелил – сейчас она работает в церкви.

Один раз приехали из Ленинграда двое – брат с сестрой. Женщина почти не могла двигаться, все лицо у нее было опухшее, на голове кругом наросли шишки. Матушка начала за нее молиться. После этого благословила положить женщину под иконы, и больная тут же заснула, хотя перед этим не спала несколько суток! Матушка сказала: «Не трогайте ее, пусть спит», – подложили ей под голову подушку, потом брат перенес ее на койку, и она двое суток спала, не просыпаясь. После этого она уехала от матушки на своих ногах – ей стало лучше».

Рассказывает монахиня Серапиона: «У наших соседей дедушка вел на клиросе. Потом он сильно заболел: у него были сильные оте-

ки ног, распухла грудь, он задыхался. Привезли его в больницу, проверили легкие – оказалось все нормально. Печень не просматривалась, и поэтому сделали заключение, что у него рак. Как безнадежного отправили его домой умирать. Лежать он уже не мог – всегда сидел, и даже спал сидя. А на ноги наступить стало нельзя – так они распухли. Как-то пришла к ним Мария – сестра Евфросинии, матушкиной послушницы. Увидела она, что дедушка так болеет, поехала к матушке и привела ее под пол-литра водички, вазелин и мыльце. «Эту воду тебе надо вылить в ведро чистой воды, – говорит ему, – Каждый день нужно купаться, добавляя эту воду, и мылиться мыльцем. А отецки мазать вазелинчиком». И у дедушки вся жидкость из организма вышла мочой, он сделался здоровым. Настолько, что летом на пасеке ульи сторожил. Прожил он после этого десять лет. И все это время продолжал петь в церковном хоре...».

А вот воспоминания одного из очевидцев о приеме матушкой недужных:

«...Когда матушка прикладывала крест, они¹ кричали: – Зачем ты нас трогаешь?! – Вот вы сейчас мне все скажете! И обращалась к больным: – Что вы сейчас чувствуете? – Матушка, они злятся, зачем ты нас трогаешь.

Матушка снова обращается к бесу:

– Скажи, долго ли ты их будешь мучить? – Голос матушки тихий, спокойный.

Между тем больному стало крутить, миимика ее изменилась, голос стал низким, заговорила о

¹ Те. бесы (прим. ред.)

себе в мужском роде с закрытыми глазами:

- Да недолго - скоро выйду...
- Когда выйдешь? Скажи, кто я? - снова спрашивает матушка.
- Матушка ским-ни-ца. В боло-то пойду. Ох, как мне нехорошо! Когда меня эта старуха отпустит? - Читай «Живый в помощи»...

Матушка не боялась никаких больных и ни разу ни от кого не заразилась. Как-то пришла к ней за помощью женщина с рожистым воспалением. Температура под 39°. Одна из близких людей, врач, сказала матушке:

- Когда такие приходит, надо их трогать, потому что это инфекция.

- Это для тебя инфекция, - ответила матушка, - а не для меня.

- Как это «не для меня»?! Это общая инфекция!

- Ну, уж, может, какая и инфекция, но она от меня знаешь как убегает! - и тут же помогла больной.

Проясним об исцелении матушка обязательно предлагала и самим молитвенно потрудится: заказать и отстоять молебен Божией Матери и Всем святым.

Молитвы матушки Антония поистине творят чудеса. Скажет лишь три слова: «Все будет хорошо», - и, действительно, жизнь человека выправляется. Приезжал и матушке раб Божий Сергей, он сильно страдал курением. Матушка сказала, чтобы забрала у него сигареты - он больше не будет курить. А когда поехал домой, сел в вагон, то решил испытать: попросил у соседа папироску и закурил. И вдруг как вдарило в голову! Он бросил папироску и не стал больше курить».

Рассказывает скимонах Иоанн: «Были мы с матушкой в Троице-Сергиевой Лавре. Подошли к ней женщина с мужчиной». Оказалось - муж с женой. Муж ее раньше наким-то начальником работал, а потом ослеп, уже пять лет не видит. Матушка велит мне: «Дай им адрес - пусть они к нам приедут». Возвращаемся мы с матушкой из Загорска - приезжает и эта семья. Матушка помолвилась за него. Потом еще раз они приехали - она снова за него молилась. А в третий раз он приехал уже зрячим, за что сердечно благодарил старцу».

Случай исцеления слепого мужчины - не единственный. Вспоминает матушкина послушница - Евфросиния: «...Чудес было много. Привозили больных, слепых, которые даже сами себя обслужить не могли. А матушка помолится, водой святой окропит - и исцелились. Положил Евангелие на голову - и перестает болеть. Матушка кроткая была как младенец, смиренная страдальца наша

Матушка Антония в Почаеве

- все время лежала. И никогда не возрпгала, не сказала: «Зачем мне эти болезни? Я несчастная, меня Господь наказал!» Нет, она всегда говорила: «А я благодарю Бога, Благодарю Бога». Вот Господь чудеса и творил за матушкины скорби».

А скорбей у матушки было не счесть. И среди них не последнее место занимали болезни, которые она смиренно терпела. Кроме неподвижности около года страдала матушка желудком. Ела в это время очень мало. Весь ее рацион состоял из просфорки, молочка, разбавленного водой, жидкого жидкого супчика («бульончика», как говорили матушкины послушницы), кваса. Ни картошки, ни хлеба.

Однажды приехала к матушке раба Божия Мария. «Матушка мне и говорит, - вспоминала позже она, - «Мать, посмотри, как мы милостью Божией живем. Слава

Богу, ничего не покупаем: у нас и квас свой, и яички - курочек держим. И коровка - молочко у нас хорошее. А пойди, посмотри, какая у нас вишня, смородина!..». Мария, чтобы порадовать матушку, вышла в палисадник и принесла ей оттуда штук пять вишен и пять ягод смородины. «Матушка посмотрела, покушала, и у нее - расстройство желудка! - вспоминает Мария. Мать Евфросиния бежит: «Иди теперь помогать!» Потом говорит мне: «Ты не обижайся». Да за что же обижаться? Уновата. Раз не знаешь - не лезь. У матушки желудок настолько слабенький был, что ей той горсточкой хватило!..»

Но, несмотря на болезни, матушка все принимала и принимала народ. И ехали к ней отовсюду.

Рассказывает раба Божия Лидия: «Как я познанилась с матушкой? Болела очень сильно. Все больницы прошла, всех врачей - и никакой помощи! На работу ходить не могла, и мне в больнице дали справку о том, что я способна только на легкий труд. Под конец болела уже так, что даже по дому ничего делать не могла - полведра воды и то не в силах была принести! В это время моя дальняя родственница тетя Анастасия собрала нас к матушке. Она уже была у нее несколько раз, а тут узнала, как я сильно болею, и решила взять меня с собой. Тем более - чтобы добраться до матушки тогда было непросто, и она искала себе попутчицу.

Собрались мы с ней, вышли из дома засветло и отправились. Приехали на станцию Хворостянка в 9 часов и 18 километров до Евграфово шли пешком! Встретили нас приветливо, накормили, рассказали. Матушка оставила нас на ночлег, хотя к ней в тот день кроме нас приехало еще очень много народа (одних только больных было 19 человек). Когда я в первый раз зашла к матушке, то увидела, что и ее келье везде иконы, даже на потолке - ведь она все время лежала, и ей было удобно лежа на них смотреть. Мне интересно: на потолок глянешь, а там ангелочки! Так стало на душе радостно! Думаю: «Да зачем же я замуж выходила? Вот узнала бы матушку-то пораньше - никогда

бы замуж не вышла. А теперь вдруг мне не придется больше сюда приехать?!" – домашние дела не пустят.

Перед ужином всех собрали и матушка начала молиться. Мы сидели возле нее на коленичках, прикасаясь головой к Евангелию. Евангелий тогда раскрыли два, потому что под одно все не вмещались. Сначала сидели спокойно. Но когда матушка начала каждую по очереди осенить крестом – голову, грудь, руки, глаза, спину... – некоторые закричали. Сейчас я уже много раз видела, как кричат в церкви бесноватые, а тогда мне это было в диковинку...

После поужина и начали укладываться на полче. Людей было много и мне пришлось спать прямо под матушкиной койкой. Матушка полегит полчасика: "Фрос...".³ Вся ночь стонала... Утром все встали, молитву утреннюю прочитали – и на послушания. Мне благословили стирать. Ближе к обеду покушали. А вечером матушка снова за нас молилась... Через несколько дней нам надо было уезжать, а мне так там понравилось! Спрашиваю:

– Матушка. Вы меня примете, если я еще приеду к Вам?

– Да приезжай!..

Возвратилась домой – и куда только делась моя болезнь? Я начала работать по дому, в огороде, за скотиной ухаживать, на работу ходить, ела все подряд, аппетит вернулся – я вылечилась! За один раз. А таблетки, что мне в больнице выписали, я сожгла.

Потом выбирала моменты, когда дома больше дел не было, и отпрашивалась у мужа съездить к матушке. Он отпускал.

Правда, случались у нас с супругом и неприятности. Однажды приезжаю к матушке – она уже все провидит и спрашивает меня:

– А Сени как?

Говорю:

– Да ну его, матушка! Он каждый день пьяный!

– А ты керосин в огонь не лей, ты огонь туши: читай "Вогородицу" и молячи. А мужа не строжай!⁴ Старайся, чтоб у него носочки всегда чистые были и все как сле-

дует... – так она воспитывала, чтобы молчать, не раздражать, жить по-христиански, по-Божиему, все терпеть.

Матушка старалась всех настаивать в вере, научить, подсказывать. Я тогда только начинала ходить в храм и мало что знала. Помню, батюшка в нашей церкви мне как-то сказала: "Твой день Ангела – 23 марта [5 апреля по новому стилю]: мученицы Лидии. Помни его и каждый год отмечай". Прошло, наверное, лет шесть. Батюшки этого в нашем храме уже не было, а дату я запомнила. Но не понимала, как можно отметить день Ангела – это же не день рождения! И только потом, когда я к матушке приехала, спросила:

– Матушка, а как день Ангела надо отмечать?

– Как отмечать? Обязательно причащаться!..

У моего брата дети были больные. Девочка, что в третьем классе тогда училась, почти ничего не ела, у нее часто была тошнота, да такая, что она даже зубами скрипела. В больнице ей поставили диагноз: гастрит желудка. Мальчик был совсем маленький, еще в школу не ходил, тогда он большей частью у меня жил. У него случались приступы в животе. И, как я потом заметила, в конце месяца – в ущерб и новолуние. Бегает, бегает, потом жалуется: "Коса"⁵, у меня болит животик". Я ему дам водичку матушкиной, животик освященным маслицем помажу. Он немножко полегит: "Все. Все прошло!" – и опять бегает. А когда его домой на время забрали, там тоже такой приступ случился. Родители неверующие – сразу его в больницу. Там сказали, что заворот кишоч – и на операцию. Года два у него боли продолжались, но он снова жил у меня – я опять ему водичку и маслице давала. А потом его вновь забрали домой, там опять приступ, и опять его "под нож". Признали спайки кишоч. После операции он три месяца пробыл в больнице: никак не зарастал свищ. Мать ему всю еду на мясорубке протирала, бегать не давала, да у него и сил уже не было: он стал очень слабенький.

Забрали его из больницы – я снохо прошу: "Поедем к матушке, давай детей пожалеем!" Все-таки спросила – дала она согласие. Забрали мы мальчика в субботу, а в воскресенье отправились к матушке. Приехали часов в десять вечера. нас накормили и оставили ночевать. Постелили, как и всем, на полу. Утром подходим к матушке под благословение – она у моей снохи спрашивает:

– Сколько ты с мужем-то живешь?

Та отвечает:

– Больше десяти лет.

– А сколько у тебя детей?

– Да вот – двое.

– Ну, этих жалко – болеют. А тело где ж, – остальные? Те, которых рожать не стала?⁶

Снохе это, конечно, очень не понравилось, но вслух она ничего не возражала.

Потом матушка ей говорит: "Завтра ты пойдешь в наш храм, детей причастишь, а потом уже поедете". Помолилась матушка за них, крестом осенила. Все разошлось по послушаниям, а матушка мне и говорит: "Лидя, а сноха твоя какая хорошая!" Я думаю: "Ну, слава Богу". А она продолжает: "У мальчика рожденное, младенческое", – то есть он уже во чреве был больной. А у снохи, правда, очень трудная была беременность...

Когда мы в воскресенье ехали к матушке, мальша всю дорогу несли на руках. А в понедельник он целый день пробегал во дворе со своей сестренкой! День был постный, и на обед приготовили горох, а он для желудка тяжелый. Но мальчик ел у матушки все – и горох, и приники, которыми его угощали – и не было ни вздутия, ни болей. Причастили мы детей и в среду уехали.

Через некоторое время они ко мне в гости приезжают – девочка рассказывает: "Бабушка, как я теперь кушаю! Не наемся – такой у меня аппетит, и так все стало вкусной"... И мальчик после этого в больницу больше не попадал...⁷

(Продолжение следует)

⁴ Как известно, дети болеют за грехи родителей. Матушка хотела, видимо, показать своим вопросом несчастной женщине, что ее дети болеют за ее грехи – аборты и т.п. (прим. ред.)

³ Не ругай, не огчитывай, не относить к нему строго (прим. ред.)

⁵ Крестная

Живая вода Промысла Божьего

из бесед с кавказским пустынноиком

«Господь вчера и днесь Той же и во веки»

ЧАСТЬ 2

Вразумления

Как-то раз попал я к другу, тоже студенту, из консерватории, и по его налёту дал ему денег. Но он пустил их куда-то не по назначению. Другой раз дал — он тоже сделал не так, как нужно. Третий раз просил — я уже не хотел ему давать, но заколебался, и внутренне говорю: «Господи, вразуми, давать ему или не давать? Они вроде бы не идут по назначению, я сам студент...» Хотя я уже тогда и работал, но 60-70 рублей на полное обеспечение себя — не много. И благоразумно ли давать милостыню в значительных размерах, если она не употребляется на необходимость? И тут мне приходит такой вынужденный помысел: «Давай, пока есть возможность. А то, может быть, впоследствии придется самому брать» (в смысле — милостыню). Думаю: «Ничего себе! Что это случится, что я буду брать милостыню?! Странно...» Дикой мне показалась эта мысль, но я вступился.

Надо сказать, медицину я любил, и любил сильно. Я никак не мог подумать, что когда-нибудь смогу ее оставить или изменить свой образ жизни.

Но Господь потихоньку вразумлял. Попался мне как-то раз одна брошюра. Там я прочитал приблизительно следующее: «Если ты делаешь доброе дело, и оно тебе нравится, и тебя за это благодарят, и ты это принимаешь, значит, ты получаешь свою свою награду здесь, на земле. Мды на небесах, в Царствии Небесном, уже не жди». Прочитал я это и подумал: «А чем же я буду спасаться, если я уже все получаю здесь?» Задумался я тогда...

Потом были и другие вразумления. Хотя я верующий с детства, но в школе участвовал в кружке духовного оркестра. Во время учебы в институте тоже принимал участие в художественной самодеятельности. Комсомольцем был. И часто бывало так, что с утра иду в церковь, а вечером

Внутренне убранство Владимирского собора г. Киева

— на комсомольское собрание. Успевал везде: и там, и там. Но вот однажды меня поразили слова одного из так называемых активистов. Дело в том, что у меня было два старших брата, которые, в отличие от меня, подобными делами не занимались. И вот этот советский «вожак» однажды сделал мне такой «комплимент»: «Это — наш парень!» Дескать, что он, в отличие от своих братьев, участвует и в комсомоле, и в общественных мероприятиях. Когда я это услышал, меня буквально пронзило: «Ах, вот как! Я — верующий, и в то

же время — «их парень»! Так чей же я все-таки тогда?» Это было весьма отрезвляющим фактором и послужило толчком к тому, чтобы более серьезно задуматься над своей жизнью.

В то время у нас появился еще один друг, киевлянин, который тоже был верующим. Он окончил институт, поступил в аспирантуру и работал в больнице с министром здравоохранения Украины. Приехал я как-то домой и разговорился с отцом. Рассказал ему о своей работе, о своих друзьях. Он обрадовался: «Ну-ну, мол, хорошо!». В том же духе и действуй — можешь, еще в ЦК партия попадешь!»

От этих слов у меня внутри словно что-то оборвалось. «Нет, — думаю, — уж это мне не нужно...»

С тех пор зародилась во мне мысль, что надо как-то пересмотреть свою жизнь, поскольку есть явная опасность, что мир через свои соблазны будет постепенно увлекать меня все глубже и глубже. Как бы не засосало в этот омут окончательно. А потому нужно более серьезно заняться своим спасением.

Служил в соборе

Однажды стоял я в соборе на вечерней службе. Вдруг слышу — какой-то шумок. Подошел ближе, чтобы посмотреть, что там происходит, и увидел: стоит парень и две девушки (молодежь, обычно вечером заходит в собор посмотреть его убранство). И вот одна из этих девушек смотрит на икону Божией Матери, что в центральной апсиде Владимирского собора, и так громко говорит: «Смотрите, смотрите! Она ведь живая! Живая!» Ее спутники пришли в смущение. Подруга начала дергать за рукав: «Замолчи!». Да

замолчи же ты!» — Но девушка, не обращая на это внимания, продолжала в восторге повторять: «Смотри-те: Она жива!.. живая!».

Я посмотрел на икону и, конечно, не увидел Матерь Божию живой, но подумал: «Вот, еще одну душу Царица Небесная исцелила из сетей вражых. Еще одна душа пришла от неверия к вере. Какая Царица Небесная! Как Она промышляет о нас, как заботится, как извлекает из погибели и призывает к вере и спасению каждую душу, могущую вместить Ее призвание...»

Кончилась служба, я стал наблюдать, что будет дальше. Нужно всем выходить — эта девушка не хочет, начала плакать. Но друзья все-таки вытолкали ее из собора, посадили в троллейбус и уехали. Если бы я, конечно, не был парнем, то, может быть, и подошел бы к ней, но мне как-то неловко было к ней подходить.

Утром, придя в собор, я начал внимательно наблюдать за молящимися. «Неужели, — думаю, — она не придет в храм снова?» Посмотрел: вроде бы не видно. Уже решил, что ее нет, когда вдруг в конце службы вижу: впереди, около самого алтаря, стоит эта девушка. Повязана платочком, молится... Слава Тебе, Господи! Еще одну душу призвала Матерь Божия. Подобно, как моего друга Михаила Она встретила в свое время в этом же соборе и с этой же иконы, так и эту девушку.

На переулочке

Случай в соборе глубоко запад мне в душу. И вот однажды, будучи на службе, посмотрел я на эту икону, и мне запада такая мысль: нужно как-то решать свою дальнейшую судьбу. Так дальше терпеть невозможно. Ну, конечно, возможно... Но нет смысла. Такая раздвоенность: приходится все время «играть». В институте я — неверующий, на работе — неверующий, а в храм идешь — молящийся... Опыт-таки, комсомольская работа, демонстрации институтские, кружки танцевальные, пение. Ну зачем мне это надо?..

Я, чтобы не участвовать в комсомольской работе, перешел на вечернее отделение и устроился работать в больницу. Но и тут оказалось не легко. Придешь, бывало, на работу, и порой не знаешь, как себя вести. Скажем, праздник 8 марта. В отделе-

нии почти весь медицинский персонал женский: сестры, санитарки, врачи. Если не поздравить, сразу обижаются: «Феодосьевич, а почему Вы меня не поздравили? Сегодня ведь праздник!» Что ей сказать на это? Что я не признаю этот день за праздник?

Ну, когда шуточкой-приблудочкой ответишь, когда, может, и скажешь (прости, Господи!) «поздравляю». Но поздравление-то поздравлением, а потом ведь нужно идти и праздничную вышивку ушивать — это еще труднее. Тем более что 8 марта приходится, в основном, на Великий пост.

И вот эта раздвоенность между мирским и духовным сильно тяготила мою душу.

Свет с Михаилом. Поездка к старцу

Постепенно все мои размышления свелись к тому, что смотреть на жизнь надо более серьезно, нежелая к своему в настоящий момент. Ведь, к моему стыду, получается, что хотя я с детства верующий, а так холодно отношусь к делу своего спасения. Надо этим заняться более серьезно.

Думал я думал, как это можно осуществить, и наконец поделился своими мыслями с Михаилом. Он меня поддержал и сказал: «Я тоже об этом давно уже думаю».

Через некоторое время пришлось нам быть в гостях у нашего общего друга Михаила-третьего (мы все трое были тезками). Разговорились на эту тему. Его мать выслушала нас и говорит: «Если вам нужно узнать волю Божию, я могу вам указать, где есть пророчицкий старец. Его зовут отец Иоанн. Он раньше жил в Киево-Печерской Лавре, и там уже имел дар пророчицости. Сейчас он находится в Почаевской Лавре. Так что, если у вас есть недоумения, серьезные жизненные проблемы, сходите к нему. Помолитесь, спросите. Он вам скажет, что и как сделать. Вот и у моего Миши есть вопросы. Если хотите, поезжайте вместе».

Поседавшись с Михаилом насчет этого предложения, мы решили ехать. Договорились о времени, заранее взяли билеты.

Пока собирались, узнала о поездке моя мать. Говорит: «И я хочу в Почаев». Пришлось мне отдать ей свой билет. Думаю: «А я-то как поеду?» Пошел в кассу. Народу полно,

билетов уже нет — только за час до отправления снимают бронь. Вздолбал: «Господи, Ты же видишь, что нам нужно. Что делать?» Знакомых в кассе нет. Ну, ладно... Положились на Бога, подошел к кассе, кричу: «Мне до Красноармейской!» Вдруг кассирша поднимается с места, и через голыш, через руки, тычуши ей рубль, берет деньги у меня. Взяла и села. Думаю: «Вот искушение! Сейчас куда-нибудь не тула выпашет!..» А там все кричат — шум, гам стоит... К моему удивлению, она выписала билет правильно — подает мне, смотрю: до Красноармейской. Еще более удивительно, что наши места оказались рядом. В этом я увидел знамение милости Божией. Значит, Господь промышляет, заботится о нас — благословляет нашу поездку.

Михаилу-третьему нужно было выяснить: жениться или нет, также он думал взять благословение на самостоятельное оперирование. А нас интересовала другой вопрос: богоугодно ли дело брать медицинку и идти заниматься только своим спасением? У нас были мысли оставить мир и уйти куда-нибудь в пустыню, потому что мы понимали — в монастырь нас не примут. Там не принимали даже простых ребят, а тем более с институтом. В советское время об этом и думать было нечего. Так что только уходить из мира куда-нибудь подальше. А куда? В пустыню. Хотя, если честно сказать, где можно найти такую «пустыню», мы не имели никакого понятия...

Когда приехали к старцу, Михаил-третий зашел первым, поскольку он был раньше знаком с батюшкой. Потом зашли мы. Нас с Михаилом старец видел впервые. Однако, не спрашивая ни слова, он почти с самого порога разрешил наше недоумение: «А вы чего ждете? Соберитесь и сходите!».

Так без нашего вопрошания мы получили ответ на свой вопрос.

Часы

Много еще назидательного сказал нам старец, что впоследствии исполнилось.

А со мной получилась конфуз. Узнав мои наручные часы, старец сказал: «Давай поменяемся. Вот тебе будильник — выбирай какой хочешь, а мне дай твои часы». Жалко мне стало расставаться со своими командир-

скими часами. Я ими хвастал, что они такие красивые, с красной звездой, золотым шиферблатом, очень точно идут, светятся. И пожалел, не взял будильник. Если бы взял, может быть, было бы лучше. Старец посмотрел на меня и говорит: «Сдохли часы! Сдохли часы!»

...Когда мы уже сели в автобус и выехали из Почаева, мои «безупречные» часы вдруг остановились. Думаю: «Вот это да! Что это такое с ними случилось?» Хотел было их завести или что-то с ними сделать, но потом передумал: «Нет, не буду их трогать». И через некоторое время они пошли вновь.

Потом уже я понял, что в том, что говорят и делают старцы, ничего не бывает случайного. Вот хотя бы эти часы. Старец хотел показать мне на них, что жизнь моя изменится. В миру она у меня была такая напряженная, что я ее расплывал за месяц вперед. Поскольку были дежурства, то я рассчитывал дни до минуты — как надо распределить время, чтобы успеть сделать все свои дела. А старец говорил: «Давай мне свои часы», чтобы и не рассчитывал свое время по минутам на каждый день, а вставал лишь на молитву по будильнику. Как бы так говорил: «Бери будильник, только вставай и молись. Больше тебе ничего не надо...»

Палазо соборов. Иринея Задеряжки. Крещение Павла

Получил благословение от старца, мы тут же начали собираться.

Вначале нужно было рассчитаться с работы. Но Михаила не рассчитывали, потому что он еще не отработал два года после училища. В те годы существовал такой закон: студент после получения диплома в обязательном порядке должен был отработать по своей специальности два года.

Конечно, может быть, наш отец совершил бы по человеческому разумению и раньше, но дело в том, что отец Михаил — Павел — не был крещен. Наверное, Богу было угодно поддержать нас до того времени, пока мы не узнаем о его крещении, чтобы молиться за него уже без сомнений.

Когда около двух лет назад произошло чудо с Ниной — отец своими собственными глазами увидел

необыкновенное для него явление, — то был поражен до глубины души и понял, что в мире существует что-то сверхъестественное¹, но жизни своей, к сожалению, не переменял.

По прошествии же некоторого времени последовало еще одно явление. Утонул его брат — пошел купаться, нырнул, ударился обо что-то головой, потерял сознание и захлебнулся. Потом он приснился Павлу и что-то сказал о вере в Бога. Это для атеистически настроенного Павла было последним толчком к тому, чтобы принять крещение.

Куда ехать?

После того, как крестился Михаил отец, с работы Михаил рассчитался уже без затруднений. Я тоже рассчитался. И мы собрались ехать. Но куда? Об этом мы не имели ни малейшего понятия. Старец не указал конкретного места, поэтому мы начали решать сами...

О том, чтоб идти в монастырь, не могло быть и речи, потому что знали, что монастыри разгоняют. В семинарию нас не тинудо. А надо уходить только в пустыню. Но где та пустыня? Сейчас, в XX веке, нет пустынь. Ничего мы о ней фактически не знали.

Что делать? Пошли в кассу предварительной продажи билетов. Там висела огромных размеров карта Советского Союза. По ней мы начали

искать пустые места — где наименьшая густота населенных пунктов. Посмотрели и определили: Дальний Восток, Казахстан и Кавказ. Стали советоваться. Дальний Восток — далеко. Казахстан? Да, можно было бы... настоящая пустыня, тепло. Только думим: что же там? И деревень нет — жилая себе никакого не построишь... и казхи там такие... какие-то не очень приветливые. А поскольку я отдыхал в 1966 году под Геленджиком, именного Кавказ видел, то и решили — на Кавказ.

Скорбо Михайловича намерен. Неожиданное уведомление

Уезжали мы, не сказав никому ни слова о своих намерениях.

Когда я, как обычно, прощался с матерью, она вдруг сказала: «Пойду провожать тебя до автобуса», хотя раньше этого никогда не делала. Что-то в душе у меня зашевелило, так захотелось мне в тот момент поцеловать эти материнские руки...

Михаил простился только с бабушкой. На прощание она ему сказала: «Мы с тобой в этом мире больше не увидимся». А с матерью он не простился. Она за него, конечно, очень переживала. Единственный сын... Он и сестра — у них только двое детей было.

Нет, между прочим, можно, забегая вперед, сказать о том, насколько эта материнская любовь приносит благо и детям, и самой матери.

К нам в горы несколько раз приходил некий странник. Этот странник — впоследствии схимонах С. —

¹ Событие, так подействовавшее на Павла, было связано с впадением Царицы Небесной его дочери, 14-летней Ирины. Вот как этот момент передала своему брату Михаилу сама Ирина: «...[в тринадцатую ночь] мы поехали к какой-то как бы гравнице, и Оля [Матьер Божия] сказала: "Тебе пора"... Сюда и отпустила перелететь, которая была с неба прямо к нашему дому... На сей раз я уже не вил, а, поднимаясь в воздух, летела над этой дорогой, причем очень быстро. Когда полетела к своему дому то все двери передо мной сами собой открылись... Я полетела в комнату на свое место... Но как только я стала приземляться на диван, в комнату вошел отец, так как было уже утро, и, подойдя ко мне, растерянно и испуганно спросил: "Откуда ты падала?" Я, не долго думая, ответила на его вопрос вопросом: "Как откуда? С потолка, что ты?" — "Не знаю. Но я знаю вил, как ты падала откуда-то сверху"».

Когда Ирина в откровенной беседе поведала о своем видении брату, то он вспомнил, что месяц назад, действительно, отец в крайнем изумлении рассказывал об этом происшествии всей семье. Но тогда никто ничего не понял. (Прим. ред.).

был уже в возрасте, участник Великой Отечественной войны, как говорили – дедчик. Награжден медалями, орденами (кажется, даже герой Советского Союза). После войны он демонстративно странствовал в подражание: считал, что это – своего рода проповедь христианства. Веде милиция к нему приставала, но, посмотрев документы, безразлично его отпускала.

И вот однажды зашел у нас с ним разговор – мы поделились с ним, кто мы и откуда. А потом отец С., странствуя по святым местам, попал в Киев

и встретился там по Промыслу Божию с Михаиловой матерью. В сборе он увидел плачущую женщину и начал утешать ее. И когда он с ней разговорился, то это оказалась мать Михаила. Отец С. рассказал ей, что ее сын жив, здоров и теперь ведет монашескую жизнь на Кавказе.

Мать была сильно потрясена, но все-таки утешилась его рассказом.

...Судьбы Божии неисповедимы – только одному Господу ведомо, каким образом Он обращает к покаянию души человеческие, даже если они не хотят Его знать – своего Со-

здателя и Промыслителя. Ведь, как говорил Михаил, его семья жила чисто мирской жизнью и была далека от всяких религиозных понятий. Но вот пришло время и исполнилось то, что было предсказано Царицей Небесной об их матери: «В конце концов, она поверит и в церковь пойдет.» За ту материнскую скорбь, которую понесла эта женщина, как бы потеряв (в мирском смысле) своего сына, посвятившего себя Богу, Бог послал ее душе такую Свою милость.

(Продолжение следует)

День первый

Утро ясное, солнце привлекает, но ветер холодный, в нем уже чувствуется дыхание осени. Подходим к Покровскому собору, у входа множество народа, заполнена вся площадь. Не все дойдут до Задонска, многие пришли проводить крестный ход, хотя бы по городу пройти с молитвою. Заканчивается служба, выносятся хоругви, выходит владыка – митрополит Воронежский и Борисоглебский Сергей, архиепископ Курский и Рыльский Герман и епископ Липецкий и Елецкий Никон. Далее следует духовенство, а следом течет людская река – по дороге к Воскресенскому храму. Празднично просвечивает солнце сквозь березовую листву, как сквозь кружево занавесок. У Воскресенского останавливаемся, служат молебен. Вся улица запружена народом, белеют платки женщин, блещат кресты, хоругви. Двигаемся, пересекая Каменную мост, к Плехановской улице. На площади играет музыка – молодежь веселится. Но есть, оказывается, и другая молодежь – та, что сейчас шагает с пением молитв по центру Воронежа. Удивленные лица прохожих, тиснет ожидающих автобусы на остановках... На наших же лицах сияет торжество. Слава Богу, сколько людей, и мы открыто идем по улицам.

...Подходим к храму блаженной Ксении Петербургской. Служат молебен, затем нас приглашают на трапезу. Небольшой отдых – и в путь. Идем с Иисусовой молитвой: «Господи, Иисусе Христе,

Крестный ход к святителю Тихону

Сыне Божий, помилуй нас». Выходим на трассу, выстраиваемся в колонну по четыре человека, занимаем одну полосу дорожной разметки. Мимо проносятся машины в своей обычной спешке. Мы же как будто выпадаем из современности, чтобы приблизиться к вечности. Около пятисот человек идет с молитвой по просторам родной земли. По сторонам желтеют сжатые нивы, разделенные зеленью посадок. Радует глаз, радует сердце.

...А ноги уже гудят. Но надо потрудиться ради Господа, ведь «Царство Божие силой берется». Я этой идеей похода загорелась пос-

ле того, как прочла «Богомолье» И.С. Шмелева. В этой повести писатель вспоминает, как, будучи еще маленьким мальчиком, ходил пешком из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру. И захотелось мне, как встарь, сойти пешком на святому месту, побыть настоящей паломницей, хоть немного глубже понять странников-богомольцев. Раньше в основном и путешествовали пешком. И Христос ходил по земле с проповедью.

Удрученный ношей крестной, всю тебя, земля родная, в рабском виде Царь Небесный Исходил, благословляя.

Ф.И. Потчев

Темнее. Сворачиваем с трассы на с. Чертовичное. Лес подступает

На отдыхе

к обочине, тень ложится на дорогу. Вот уже идем поймам, где несело желтеют подсолнухи. К храму подходим почти в сумерках. Слава Богу, дошли. Молебн. Потом — трапеза под звездным небом. Как-то находим в темноте свои вещи, идем ночевать в храм.

День второй

С утра встаем, выходим с мамой на улицу. Свежо. Яркий солнечный свет струится по листьям, по куполам Михаило-Архангельского храма, по заспанным лицам паломников. Спускаемся к реке. Тишь раннего утра, петухи. Туман над водой. Несколько лодок у берега, да утки дремлют рядом. Как чудесно! Ветт деревенским покоем — нет городской суеты, пыли, шума машины. Возвращаемся в храм, люди просыпаются, собирают вещи. Затем начинается литургия. Служит отец Виктор с двумя диаконами, отец Николай исповедует. Мы же хотим причаститься в Задонске. Многие приобщаются Тела и Крови Господа — Слава Богу! Остальные трапезничают во дворе. Потом многие идут на речку купаться — солнце поднялось, жарко. Но уже звонит, пора в путь. Выносят корутины, строимся в колонну по четыре и с молитвою идем по дороге. Ночлег наш был в стороне от Задонского шоссе, приходится возвращаться. И вот мы опять на трассе. Идем мимо полей, мимо бензозаправки, остановок, придорожных кафе. Рядом проносятся фуры, автобусы, машины. Из одного автобуса нам машут — паломни-

ки. Держим путь к Рамони, а это от шоссе 9 километров в сторону.

Ноги уже не гудят, а болят — растерты. Иду через «не могу». Но вскоре приходится сесть на машину, подышать — ноги растерла. Подъезжаем к храму святителя Николая, там уже вещи разгружены. Нахожу свои, сажаю записать дорожные впечатления. Думали причаститься в Задонске, но тут уже чувствую, что сил нет, надо укрепиться, а то можно и не дойти. Батюшка говорит: «Конечно, причастись». Мы с мамой и братом собираемся на следующий день на Причастие. А вечером идем на трапезу в столовую, а затем на ночлег в спортзал. Рядом со спортзалом находится старый храм, без купола, ветхий, с облупившейся штукатуркой, но действующий, иконы на стенах, подсвечники. Народ и там ночевал. Вечернее умывание — из шланга, в саду у какой-то бабушки...

День третий

С утра встаем, собираемся — и в храм. Правило к Причастию не успели прочитать, только чуть-чуть, начальные псалмы. Но священник на исповеди благословляет к Чаше. Исповедников много. Уже освятили Дары, а народ все подходит к аналою с Крестом и Евангелием. Дьякон говорит проповедь. Так проникновенно звучат его слова о том, что крестный ход — это не спортивное мероприятие, что цель — не во что бы то ни стало дойти до Задонска, а стяжать благодать Духа Святого. Крестный ход — действие покаянное. Мы должны принести и плоды покаяния.

Яркий свет струится сверху, изпод купола. Идет служба Господня, великая Евхаристия, жертва хваления. Мы молимся вместе: за себя, за близких, любимых, дорогих; за тех, кто идет вместе с нами,

«за всех и за вся». Слава Богу, что сподобил поучаствовать в крестном ходе. Уже знаем в лицо своих.

После службы идем на трапезу. Пока идем обеда, читаем молитвы после Причастия. На улице, в сквере, среди цветов. И вдруг подходит женщина местная. Вся в слезах, дает деньги, просит свечку поставить за нее в Задонске. Душу нам изливает. Пишем записку на обедню.

После трапезы опять продолжим путь. Тяжело идти с растертыми ногами. Уже не видишь ничего, кроме асфальта под ногами да мелькающего подола впереди идущей сестры. Да еще не идет молитва — впереди одно поют, сади другие, синхронности нет. Эта разногласия уже выводит из себя. Батюшка окликает нас: «Не растигиваемся! Улыбаемся, радуемся! Чего печалиться — вместо одной молитвы сразу две». И тут я, как бы очнувшись, понимаю, что действительно нет повода для раздражения. Отцы так много сделали для нас, с искренней заботой о людях, с любовью, как и подобает пастырям Христовым.

Идем по шоссе, рядом в поле убирают хлеб, работают комбайны — Бог в помощи! Часть поля уже скошена, и солома золотится на солнце. Дальше тянется еще не

сжатый участок, он темнее. Красиво — поле разделено диагонально на две части: одна яркая, золотисто-желтая, другая бледная, сероватая. Также и души людские. В жизни приходится претерпеть скорби и утомление — «серость». Однако кто принесет добрый плод, подобно хлебным колосьям, после божественной жатвы про-

славится и просветится золотым сиянием.

Вечером пришли в Князев. Встретили нас радушно, по-князевски. Видно, у народа есть жажда Бога. А храма у них нет, вот и

«поднимает». Чувствуем, что мы не забыты Богом, что не просто идем – бьем ноги, а ради Господа, и потому мы под Его покровом.

В Хлевном служили молебен, но сил даже зайти в храм. Люди побежали купаться в фонтане, так все устали от жары и длинного перехода, но главное было впереди. После трапезы в Хлевном нам предстояло еще тяжелый переход до ночлега в село Пилушу. Уже вечером, и в конце переход превратился в пробег. Но я сошла с дистанции. Не могла уже идти и села в машину. Из окна автомобиля было видно, как люди тянутся из последних сил, бегут, но все равно ряды очень растянуты. Это было великое преодоление. Опять мы убедились, как в людской немощи начинает действовать сила Божия. Недаром один брат сказал изнемогающей сестре, когда та заявила, что ей тяжело, и она уедет: «Ты думала, это прогулка? Нет, это война, сестра». Но меня уже, как раненого бойца, увезли с поля боя.

Мой брат нес хоругви, иконы. И рассказала, что, когда свернули на Пилушу, лес подступил к самой дороге, и казалось, что лес нам тоже подпевает. Вот так, кровью, потом и слезами да молитвою освещаются глухие дебри родной земли. После долгих лет забвения Бога необходимы теперь многие труды, молитвы и подвиги, чтобы Россия вновь восстала как Святая Русь. А крестный ход – это подвиг. Многие приезжали из других городов, чтобы почувствовать в нашем крестном ходе: из Москвы, Сибиря, Курска, Усмани. Есть и более длинные ходы: из Москвы в Киев, из Екатеринбурга на Куликово поле. Освещается Россия-матушка молитвами странников.

В Пилушу пришли уже затемно. Ночевали в спортзале, некоторые взяли на квартиры. Силы у всех уже на исходе, хотели наутро съехать домой. Но утро, как известно, вечера мудренее.

День пятый

С новым днем я воспрянула и шла уже довольно бодро. То был последний день похода, и идти оставалось не так много. Я шла и благодарила Бога за все. За то, что сподобилась прошагать по родным просторам во имя Его, что дал нам «единым сердцем и едиными усты» возносить Ему молитву. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас», – слышали города и веси, леса и поля. Слышали и мои собственные ноги и шли ритмично, не хромая. Днем навстречу нам вышел крестный ход из Задонского мужского Рождество-Богородицкого монастыря во главе с епископом Никонном, со множеством монахов и монахинь. И все вместе пошли к монастырю, поклониться святителю Тихону. У мамы – слезы на глазах: «Неужели мы дошли, даже не верится!»

Пришли! Наконец-то пришли! Связют золотом купола собора и золоченый шпиль с крестом. Начинается торжественный молебен.

Молебен в селе Кони-Колодезь

рады возможности помолиться, помянуть живых своих и усопших.

День четвертый

Холодный рассвет. Солнышко красное, легкие «крылатые» облака. Снова в путь. Как устала, понимаю на привалах. Когда слышим «Подъем!», мы начинаем строиться в колонну, я еле ковыляю. Только с молитвой можно идти. Сама удивляюсь, почему в колонне я даже не хромаю.

Места красивые: лесочки по овражкам, слева Дон протекает. Невольно вспоминаются стихи воровнежного поэта А. Жигулина:

О, Родина! В неярком блеске
Я взором трепетным ловлю
Твой проселки, перелески –
Все, что без памяти люблю.

Мы уже на Липецкой земле. Приходим в село Кони-Колодезь. Служат молебен у храма апостола Иоанна Богослова. «Стопы человеческие исправил, Господи...» – как же мне необходимо исправить свои стопы! Сидим на солнцепеке в ожидании обеда. Силы на исходе. Но я помню слова батюшки: «Не только поползешь, а и победить ешь». Господи, укрепи!»

После обеда – опять в колонну, и шагаем по дороге. И вот среди немощи нашей появляется дынок в полном облачении. Начинает кадить ряды – людям нужно укрепление. Так и шагает вокруг всей колонны, чтобы всем подать облегчение. Дым ладана действительно

В селе Пилуша

«Святителю отче наш Тихоне, моли Бога о нас».

После молебна идем на трапезу, а потом – на ночлег в Троицкий храм, расположенный примерно в пятнадцать минут ходьбы от монастыря. Когда мы разместились, вышли во двор, то ядруг поняли, что больше некуда спать. Можно просто сидеть на лавочках возле храма и любоваться красотой. Большой теннисный двор, березки и кругом цветы. «Мы в раю», – поду-

мала я. Тихо светит солнце сквозь листья, цветы радуют глаза, трава зеленая и сочная, хотя уже конец

весны не похож на кричащий, тревожный свет неоновых реклам, в котором топят

тоску большие города. Этот свет тихий и ласковый. И в то же время он вселяет надежду, упование, спокойное становится на душе. Храм стоит как твердыня, как маяк в ночи, как надежное пристанище путникам.

Возвращаемся к месту ночлега. Ложились на спину, взгляд погружается в теплый полумрак купола. Росписи сверху не видим, но присутствует ощущение простора, высоты. Спят усталые «крестоходцы». Лишь кое-где мерцают свечи – кто то молится.

День шестой

...Просыпаюсь, выхожу во двор. Лучезарное утро. Какую Бог погоду дал! За время крестного хода ни разу не пришлось мокнуть под дождем. Опять свет струится, течет с берега на людей, на клумбы – желтые, голубые, всех цветов, яркие, сочные, свежие. Пора идти в монастырь на службу. И вот мы уже у ворот, снова сияют над нами золотом кресты собора. На литургию опоздали, уже читают Евангелие. Мама идет подавать записки, свои и те, что поручили подать, да за свечами. Потом идет сугубая ектения, поминают живых и усопших (хотя у Бога все живы). Поминают долго – здесь всегда много записок подают. Теплый свет золотит стены храма, образа. Служат не спеша, братский хор поет Валаамским распевом. Чувствуется, что поют монахи, а не просто светские профессионалы, так духовно все, благоговейно, с чувством, без украшательства. Клубы кадильного дыма витают в воздухе, просвечиваются солнцем. Ангельская служба!

августа. И такая тишина, мир в душе... Светом, святым благодатным сиянием наполнен вечер. Только теперь мы вполне понимаем слова отца Виктора: «Когда вы дойдете, поймете, зачем вы шли». Ради этого стоило терпеть тяготы пути.

Решили сходить на близкий источник, что возле мужского монастыря. Медленно идем, благоустно так кругом. Уже не первый раз замечаю, до чего тихий городок Задонск. В душе продолжает звучать Иисусова молитва. Без нее теперь уже и ноги не ходят. Неспеша спускаемся к источнику. И тут наши. Поют: «Радуйся, Радосте наша, покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором». Как чудесно! Заходим в купель. Вода сначала пронизывает холодом, потом по телу разливается волна тепла.

До закрытия монастырских врат еще есть время, и мы решаем пойти поблагодарить святителя Тихона за то, что дошли все-таки до Задонской святой обители, попросить помощи в своих нуждах. Заходим в храм. Читают акафист свят. Тихону, народ прикладывается к мошам. Подходим и мы. Мощи открыты! Сколько же милостей в один день даровал нам всещедрый Господь! Небесная жизнь. По выходе из храма попадаем еще и на трапезу. От трапезной прямо виден возвышающийся над нами собор. Мраморные ступени, синие стены, золотые купола и кресты на фоне уже темного неба. Двери открыты, теплым светом мерцает иконостас в огнях свечей. Войсину, свет во тьме светит. Он со-

Затем решили сходить в женский монастырь, до него, говорят, километра три. Плетемся себе потихонечку, и тут автобус. Видим: наши бегут, садятся – мы за ними. Поехали к дальнему источнику, что открылся по молитвам святителя Тихона, когда он молился в лесу. Идем по лесной тропинке, поем – теперь без Иисусовой молитвы никуда. Выходим из леса, и нам открывается чудесный вид. Монастырская стена – белая, сияющая, а за ней белый-белый храм с пятью черными куполами и золотыми крестами и белоснежная, пронзающая лазурь небес колокольня с горещицей на солнце крестом. Это Спасо-Преображенский женский монастырь. Заходим во святые врата. Ослепительно-белый собор, над входом барельеф, изображающий Святую Троицу. И кругом шесты. Трава такая шелковистая, блестяет на солнце. Райский уголок. Идем в собор (вход справа – в нижний храм; верхний, видимо, на реставрации). Внутри – все та же благодатная близина. И даже какой-то потолок не «давит». Очень красиво панорадило – с иконами и лампадами. Мощные колонны держат свод. Смотрим храмовую икону центрального алтаря – Иисуса Пресвятой Богородицы, сверху престольный праздник здесь. Служат

Спасо-Преображенский женский монастырь, г. Задонск.

центрального алтаря – Иисус Христос с частями мощей монастыря святых, а также с частями мощей святых, связанных с земной жизнью Спасителя и Богородицы. Престол образован как бы отдельной иконой, отделен от храма стеной. Задонск

туда сбоку, уединяешь-ся. Пред очами – Крест Господень. Сердце отзывается на все, – как все здесь хорошо и правильно сделано. Рядом с Крестом Калужская икона Божией Матери, до половины прикрытая стеклом. Я вижу капельку, застывшую у края рукава Богородицы. Сколько милости ко мне, недостойной, в один день – первый раз вижу, как икона мироточит. Мироточит – это плачет. О моей скверне плачет. Господи, помилуй мя грешную. Из этого белоснежного собора не хочется уходить, но надо. Вообще, такое состояние: поставим здесь иконы и будем здесь жить. Но, конечно, это невозможно.

Вечером ехать домой. А так не хочется возвращаться в мир, спускаться с небес на землю. Но ведь

и Христос сошел в юдоль плача, мы должны следовать за ним. Собираем вещи. Крестимся, выходим с «баулами». Как от сердца отрываем что-то дорогое. Единое на потребу. Шагаем вверх по дороге. По тротуарам уже отвыкли ходить. Мы же крестный ход. В соборе сейчас идет всенощная, величают святителя Тихона, служит владыка Никон. Золотятся сквозь листву кресты монастыря. Крестимся, на прощание кланяемся до земли, вдыхаем украдкой – и к автовокзалу, втайне надеясь опоздать на автобус. Приходим, автобус уже на платформе. Ставим вещи в багажник, садимся (даже есть сидячие места!).

Едем, смотрим в окно: вот здесь мы проходили, и здесь, и тут... А те-

перь пятидневный путь остается позади за полтора часа. Стремительность жизни... «И жить торопятся, и чувствовать спешат», – как говорил классик. Приехали. Выходим «в мир». Так непривычно: кругом машины, пыль столбом, люди... Оглядываемся: закат. Догорает лазоревое небо, скрывается солнце, закончено и наше путешествие. Но не закончено странствие земной жизни. «Царствие Божие внутри вас есть». Напитавшись благодатью, возвращаемся каждый на свое место, на свой пост. Кресты на нас. Крестный ход продолжается.

ЕЛЕНА ОРОС, г. Воронеж
Воронеж – Задонск
20-25 августа 2005 года.

Христианская поэзия

СВЕТ ВО ТЬМЕ

Памяти святителя Тихона

Нетленным именов святых,
Я вижу свет во тьме кромешной,
В молитве призывая их
Помочь мне в жизни безутешной.
Их путь – к вершинам горним взлет,
Когда от гори сердце стынет,
Идет измученный народ
К своим святым, к своим святыням.

Тамара Романова

Играет солнце посреди берез,
Кольшет ветер нежные листочки.
За все благодарю Тебя, Христос!
За это чудо – небо, даль, цветочки!
За каждый день, за радость и печаль,
За теплые слова родных и ближних,
За синь озер, за ленту птичьих стай,
За землянику, сани, вешни...
Зовет, ведет моя душа к Тебе,
Хоть тело грешное ее порой не слышит.
И славить Господа так хочется душе!
И вновь она надеждой, верой дышит.

Е. Х., г. Елец

ИСПОВЕДЬ

Нас было трое – там стоял и Ты,
Души моей всем горестям внимая,
И каждого священника черты –
Твоя икона. Светлая, живая.

Какую власть ты человекам дал:
Целить, прощать, реши глаголом Неба,
Утешить тех, кто скорбен иль устал,
И причащать Божественного Хлеба!

Но помоги им, Боже, помоги!
Ты знаешь Сам, как тяжок путь тернистый –
Нахально ухмыляются праги,
А надо быть нелживым, светлым, чистым.

А надо образ Твой не запятнать,
А надо свет нести в людские души
И каждого, как Ты, любить, прощать,
И потерпеть, наставить и послушать.

И надо жить – страдая, но любя.
И надо устоять и верить. Надо...
Так много – невозможно без Тебя.
Но с нами Ты! И все – Твои мы чада.

Инокня Любовь (Коновалова)

Бог, человек и скала

дин благочестивый человек спал в своей хижине. Внезапно его комната наполнилась светом, явился Спаситель и сказал, что Он пришел для того, чтобы дать этому человеку послушание – и показал огромную скалу напротив хижины – с этого дня человек должен был толкать скалу всеми силами каждый день.

В течение многих лет этот человек усердно трудился, упираясь плечами в холодную поверхность неподвижной скалы, толкая ее изо всех сил. Каждый вечер он возвращался домой вымотанным и уставшим, порой с чувством, что день потрачен попусту: скала продолжала незбылемо стоять на своем месте. Дьявол, видя усталость человека, решил действовать и стал вкладывать ему такие помыслы: «Ты толкаешь скалу столько времени, а она нисколько не сдвинулась с места – зачем губить себя такой работой? Ты никогда не сдвинешь ее. От тебя, неудачника, уйдет жена, отвернутся друзья, ты останешься один», – создав таким образом у человека печатление, что его задача невыполнима, и он попусту тратит время своей жизни. Эти мысли расстроили человека еще больше. «Зачем губить себя такой работой?» – думал он. – Я буду проводить в работе столько же времени, но сил буду тратить меньше, и это будет вполне нормально». Так он и собрался поступать, но вначале решил помолиться Богу о своем недоумении. «Гос-

поди! – взмолился он. – Я долго и усердно трудился, служа Тебе, вкладывая все силы, чтобы выполнить Твое благословение. Но, несмотря на то, что прошло

столько времени, я не вижу никакого результата своих усилий – скала не сдвинулась и на полмиллиметра. Что не так? Почему я не преуспел? И вдруг он услышал ответ:

«Мой сын! Когда много лет назад Я призвал тебя служить Мне, и ты согласился, Я велел тебе толкать эту скалу всеми своими силами, и ты стал это делать. Никогда Я не давал тебе понять, будто Я от тебя ожидаю, что ты сдвинешь скалу. Твое послушание было толкать ее. И теперь, затратив много сил, ты стоишь передо Мною с чувством, что ты неудачник. Действительно ли

это так? Посмотри на себя. Твои руки сильные и мускулистые, твоя спина – жилистая и коричневая от солнца, кисти твоих рук – грубые и натруженные от постоянного напряжения, твои ноги – крепкие и мощные. Ты забыл, что такое праздность и научился ценить время. Ты стал бдительным, и дурные помыслы склонили тебя не к унынию и лени, а к молитве. От постоян-

ных усилий ты возрос, и твои возможности стали больше, чем были раньше. Но ты не сдвинул скалу с места, потому что твое призвание – быть послушным, толкать, упражняться в добродетели, укрепляться в вере и уповать на Мой Промысл. Ты так и делаешь. Ты окреп духовно и стал настоящим воином Христовым. Теперь, сын Мой, Я подвину скалу».

Просьба не использовать алмазых в хозяйственных целях

Просим имеющих возможность оказать благотворительную финансовую помощь на издание алмазых «Задонский паломник». Деньги высылать на адрес монастыря с пометкой: «На издание "Задонского паломника"».

Желающим можем высылать алмазых «Задонский паломник» по почте. Для этого просим присылать свои заявки на адрес монастыря с пометкой: «Для "Задонского паломника"».

При перепечатке ссылка на "Задонский паломник" обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14,
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, тел. 2-49-55
высодом в 2000 г. Тираж: 5000 экз.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС77-21448 от 01 июля 2005 г.

Божия благодать научает человека радоваться о Боже Спасе своем и соделывает в сердце его радость истинную, духовную и покой, и мир в совести его – что есть предвкушение вечной жизни, и аки крупинцы от Небесной трапезы на сердце человеческое падающие. Верующий в Бога имеет в сердце своем радость духовную.

Святитель Тихон Задонский